

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

И. В. Четверикова

Мобилизация уголовного закона бизнесом и государством: социально-экономический статус обвиняемых и предварительное заключение по экономическим делам**ЧЕТВЕРИКОВА**

Ирина Васильевна — магистр социологии, научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Адрес: 191187, Россия, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 6/1, лит. А.

Email: ichetverikova@eu.spb.ru

Статья посвящена социальному неравенству обвиняемых при избрании им меры пресечения в процессе расследования экономических дел с разными типами потерпевших. В контексте использования уголовной репрессии для давления на бизнес в России исследование отвечает на вопросы о том, имеет ли статус предпринимателя стигматизирующий эффект на решение заключить обвиняемого под стражу и кто наиболее успешен в мобилизации уголовного закона до суда в защиту своих экономических интересов — бизнес или государство. Чем больше вероятность предварительного заключения под стражу, тем успешнее можно считать мобилизацию уголовного закона до суда. Выводы основаны на анализе данных ведомственной статистики МВД России о всех обвиняемых по экономическим делам, включая коррупционные составы, расследованные в 2013–2014 гг.

Результаты показывают, что состав преступления, криминальная история, пол, гражданство и место жительства обвиняемого имеют существенное значение при принятии следствием и судом решения о заключении под стражу. При контроле на социальные характеристики обвиняемых, наличие судимости и рецидива, размер ущерба и вменяемый состав преступления вероятность заключения в СИЗО (следственный изолятор) до суда предпринимателей значимо не отличается от вероятности заключения под стражу госслужащих и рабочих, но ниже по сравнению с правоохранителями и безработными. Наиболее благоприятным положением при избрании меры пресечения обладают служащие коммерческих и бюджетных организаций, к которым значительно менее вероятно применение заключения под стражу, чем к предпринимателям. При этом, если не учитывать различия в социально-демографических характеристиках обвиняемых и правовой квалификации преступлений, доля заключённых под стражу за экономические преступления наиболее высока среди предпринимателей. В случаях причинения экономического вреда частным интересам, будь то

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01618).

Автор признателен Вадиму Волкову, Алексею Кнорре, Дмитрию Скугаревскому, Кириллу Титаеву, Марии Шклярчук, а также другим участникам Летней школы Института проблем правоприменения (2016) за ценные комментарии к исследованию и проведённую работу по формированию массива данных. Развитию исследования также способствовали участники семинара серии «Социология рынков», организованного ЛЭСИ НИУ ВШЭ. Комментарии анонимных рецензентов помогли улучшить статью.

гражданам или бизнесу, мобилизация уголовного закона до суда с большей вероятностью происходит по репрессивной модели (то есть с заключением обвиняемого под стражу) по сравнению с делами, где потерпевшим было признано государство.

Ключевые слова: заключение под стражу; социально-экономический уклон; государство и бизнес в России; экономические преступления; мобилизация права; агентская проблема.

Введение

В случае конфликтов, неизбежно возникающих при ведении бизнеса, будь то с контрагентами или регуляторами, обычной практикой является обращение к третьей стороне — в арбитражные или коммерческие суды, специальные государственные органы или компании по урегулированию конфликтов. Дональд Блэк предложил понятие «мобилизация права» (*mobilization of law*), обозначающее процесс, с помощью которого правовая система получает свои дела, и, таким образом, задействуется и реализуется право [Black 1973]. В концепции Блэка закон «появляется в момент соприкосновения сферы сообществ, регулирующих себя изнутри, и сферы государства, осуществляющего регуляцию и контроль снаружи» [Кузнецов 2015: 35].

Первой ассоциацией экономического спора является тяжба между коммерческими компаниями, для разрешения которой последней инстанцией служит арбитражный суд. Однако экономические споры могут происходить между самыми разными хозяйствующими субъектами, выступающими в качестве таковых, включая государственные органы и некоммерческие организации. Граждане также могут быть стороной или сторонами в экономическом по сути споре. Кроме того, претензии экономического характера могут возникнуть у государственных органов к организациям или гражданам в связи с неисполнением налоговых, таможенных, лицензионных обязательств. Иными словами, любая экономическая деятельность — от репетиторства до строительства — создаёт возможность для конфликтов между разными типами участников. Основная масса таких конфликтов или споров решается в гражданско-правовом или административном (если был нарушен публичный интерес) порядке. В случаях большой общественной опасности, когда умышленно наносится значительный вред частным или общественным интересам, может быть мобилизован уголовный закон. Однако в зависимости от социального положения участников конфликта шансы на успешную мобилизацию уголовного закона могут существенно отличаться в силу самых разных обстоятельств (доступ к квалифицированной юридической помощи, правила разрешения конфликтов в том либо ином сообществе, виктимность жертвы² и т. п.). Кроме того, применение уголовной репрессии подвержено социальным уклонам (*bias*) правоприменителей [Spohn 2009; Титаев 2014; Volkov 2014], организационным стимулам [Панеях et al. 2012; Nazrullaeva, Baranov, Yakovlev 2013], а также коррупционным интересам правоохранителей [Кравцова 2012].

Организационные стимулы могут увеличивать или снижать социальное неравенство между людьми с разными социальными характеристиками, проявляющееся при обращении в полицию или при защите от уголовного преследования. Также и возможности для реализации коррупционных интересов правоохранителей могут положительно коррелировать с определёнными характеристиками обвиняемых и потерпевших. Как итог, мобилизация уголовного закона происходит по-разному в зависимости от состава участников конфликта при схожих правовых и криминологических обстоятельствах. В настоящей статье анализируется, как применение уголовной репрессии в защиту экономических интересов различается в зависимости от типа потерпевшего и социально-экономического статуса обвиняемого.

² Применительно к экономическим спорам, например, отсутствие у предпринимателя разрешения на какой-либо вид деятельности может препятствовать его обращению в полицию в связи растратами, допущенными работниками во время осуществления этой деятельности.

Право — это государственный социальный контроль, присутствие которого в жизни обратно пропорционально задействию других нормативных систем, например, религиозных норм, системы понятий. В ситуации слабого российского государства 1990-х гг. правоохранители, наряду с другими агентами, обладавшими силовым ресурсом, были одним из инструментов — но далеко не главным — в решении различного рода проблем, возникавших в ходе ведения бизнеса, при этом силовой ресурс использовался правоохранителями преимущественно в неформальных приработках и в нерабочее время [Волков 2012]. Однако с начала нулевых роль правоохранительной и судебной систем в решении конфликтов меняется в сторону монополизации этой сферы деятельности [Gans-Morse 2011].

Во-первых, повысилось участие правоохранительных органов в перераспределении активов, которые значительно потеснили на этом поле конкурентов — охранные предприятия и криминальные организации [Волков 2012; Gans-Morse 2012]. При этом государственные органы и формальные институты (например, банкротства) нередко используются в качестве инструментов давления для передачи прав собственности и захвата активов [Osipian 2012; Rochlitz 2013]. Именно уменьшение силового давления в предпринимательской сфере являлось лейтмотивом либеральных поправок последних семи лет в уголовное законодательство в сфере хозяйственной деятельности, успешность которых до сих пор остаётся под вопросом [Четверикова 2016a; 2016b]. В связи с этим можно предположить, что практика мобилизации уголовного закона по экономическим делам с участием предпринимателей принципиально отличается от уголовного преследования без их участия.

Во-вторых, объективно спрос на право и решение споров в судебном порядке вырос, что относится как к предпринимателям [Hendley 2007], так и к остальному населению [Hendley 2012]. Однако даже полный выигрыш в суде ещё не гарантирует фактическое получение компенсации. Так, в 2016 г. судебные приставы смогли полностью взыскать долг или обязать выполнить другие действия лишь в 58% дел, находящихся у них в производстве [Бочаров 2016]. Использование уголовной репрессии поэтому может выглядеть более привлекательным способом защиты своих прав и интересов по сравнению с коммерческим арбитражем или общегражданским судом (ведь уже сам факт уголовного преследования несёт в себе карательный, репрессивный элемент)³.

В-третьих, государство через создаваемую централизованную систему управления стало формировать и поддерживать спрос на активность правоохранителей в сфере экономики, создавая стимулы к производству вала дел экономической направленности через «палочную систему» [Гладырев 2009; Ходжаева 2010; Панях et al. 2012; Nazrullaeva, Baranov, Yakovlev 2013]. «Палочная система» представляет собой такую систему оценки деятельности сотрудников, в которой имеют значение количественные показатели — раскрытые преступления и оформленные административные правонарушения по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года; так называемые палки не имеют качественного измерения [Гладырев 2009; Ходжаева 2010]. То же касается надзорных органов, которые своей активностью играют значимую роль в формировании правил игры для предпринимателей [Панях 2008; 2013; Барсукова 2009; Kazun 2015]. Иными словами, инициаторами уголовного преследования за экономические преступления могут быть не только конкуренты, но и сами правоохранители, движимые «палочной системой» и заинтересованные в лёгком прохождении уголовного дела [Nazrullaeva, Baranov, Yakovlev 2013]. В схеме Дональда Блэка активные правоприменительные действия полиции без обращения граждан относятся к проактивной мобилизации права [Black 1973].

В контексте «палочной системы» проактивная мобилизация уголовного закона по экономическим делам может способствовать уменьшению различий между уголовным преследованием предпринимателей и

³ Репрессивный характер уголовного преследования проявляется и в следственных действиях (допросы, обыски), и в мерах процессуального принуждения (арест имущества, отстранение от должности), и особенно — в мерах пресечения (подписка о невыезде, домашний арест, заключение под стражу).

других обвиняемых. Ведомственными инструкциями устанавливается список статей УК и дополнительных признаков, когда преступление учитывается как имеющее экономический характер в отчетности о работе правоохранительных органов [Четверикова, Титаев 2017]. Среди этих признаков важными являются совершение преступления должностными или материально-ответственными лицами и(или) иными лицами в процессе осуществления производственно-хозяйственной или финансовой деятельности (либо под видом её осуществления). Иначе говоря, система стимулирования правоохранителей предполагает возможность вести уголовное преследование в отношении не столько предпринимателей, сколько служащих и работников организаций и предприятий, а также государственных служащих для того, чтобы выполнить формальные требования по выявлению и расследованию экономических преступлений. Расследование экономических дел в отношении рядовых служащих и работников организаций, включая бухгалтеров и менеджеров, является выгодным для правоохранителей с точки зрения экономии времени на формирование уголовного дела (затраты времени в этом случае значительно меньше, чем при ведении расследования в отношении предпринимателей) [Четверикова 2016b]. Таким образом, давление «палочной системы» может приводить к тому, что успешность мобилизации уголовного закона по экономическим делам в отношении предпринимателей будет меньшей или одинаковой по сравнению с другими экономически активными обвиняемыми.

Однако каким образом можно оценить успешность мобилизации права разными типами участников? Мобилизация уголовного закона начинается на этапе обращения в полицию и может заканчиваться вынесением приговора и исполнением наказания. При этом существует множество промежуточных этапов (предъявление обвинения, передача дела в суд), а также задействуются разные уголовно-правовые институты, которые увеличивают количество права в жизни (избрание меры пресечения, арест имущества). Согласно концепции Дональда Блэка, исследователь может квантифицировать и квалифицировать закон на любом участке социальной реальности [Кузнецов 2015]. Чем более репрессивный институт применяется государством, тем больше права присутствует в жизни [Black 1976]. Заключение под стражу является наиболее репрессивным уголовно-процессуальным институтом, так как, по сути, лишает человека свободы до суда, до признания его виновным и до назначения соразмерного наказания, которое может быть и не связано с реальным лишением свободы. При этом лишение свободы — наиболее суровый вид наказания, существующий в уголовно-правовом пространстве России. Исследования, в которых анализировались легальные и экстралегальные факторы назначения наказаний в России, показывают, что заключение под стражу до суда имеет сильную положительную связь с последующим реальным лишением свободы [Титаев 2014; Volkov 2016]. В связи с этим заключение под стражу было выбрано в качестве индикатора успешности мобилизации уголовного закона до суда.

Таким образом, исследование фокусируется на социально-экономическом неравенстве обвиняемых при решении о заключении их под стражу по экономическим делам. Иными словами, отличается ли практика досудебного заключения предпринимателей по сравнению с другими обвиняемыми при прочих равных?

Следующий вопрос касается различий в практике досудебного заключения предпринимателей по делам, где потерпевшим признан бизнес (частные коммерческие компании или индивидуальные предприниматели) или государство. Ответ на этот вопрос является актуальным в контексте консолидации российского государства, сопровождаемой коммерциализацией государственных органов и полиции [Barsukova, Radaev 2012; Kosals, Dubova 2012]. С одной стороны, мы наблюдаем усиление государства, но с другой — государственные ресурсы принуждения используются в интересах частных лиц и компаний. Возникает закономерный вопрос: в защиту чьих интересов — государства или бизнеса — наиболее успешно задействуется уголовная репрессия?

Обзор литературы

В эмпирических исследованиях уголовной юстиции, основанных на концепции Блэка, учёные часто концентрируют внимание на решениях, принимаемых самими гражданами об обращении в полицию, а основным методом выступают виктимизационные опросы [Avakame, Fyfe, McCoy 1999; Copes et al. 2001; Felson et al. 2002; Kuo et al. 2012; Graham, Borg, Miller 2013]. Однако и после обращения в полицию и принятия заявления правоохранительные органы могут не усмотреть криминальной составляющей в случившемся, и, соответственно, уголовное право не будет задействовано, а гражданам придётся искать другие способы разрешения конфликта — от подачи в суд гражданского иска до обращения к криминальным структурам. Даже если обращение в полицию пройдёт успешно и будет возбуждено уголовное дело, это ещё не означает, что преступник будет найден, а само дело будет доведено до суда [Шклярчук et al. 2015; Четверикова, Титаев 2017]. Дональд Блэк подчёркивал, что мобилизация права происходит на разных стадиях правового процесса и не заканчивается на этапе обращения в полицию [Black 1973: 126].

Более поздние стадии мобилизации уголовного права — арест подозреваемого и выдвижение обвинения — в теоретической рамке, предложенной Дональдом Блэком, изучаются реже и касаются общеуголовных преступлений [Roberts 2007; Schulenberg 2015]. Отчасти такое положение дел может быть связано с меньшей доступностью данных для социальных исследователей, относящихся к более поздним стадиям уголовного преследования и содержащих информацию о потерпевших.

Согласно предложенной теории о поведении закона, в разных точках социальной структуры успешность мобилизации права различна [Black 1976]. Так, индивиды менее успешно задействуют формальный контроль, чем организованная группа, способная к коллективному действию. Закон, скорее всего, не будет задействован, когда потерпевший обладает низким социально-экономическим статусом, а обидчик — высоким. Исследование практики назначения меры пресечения в городском суде (*urban county*) Мичигана показало, что наличие дохода (более 75 дол. в месяц) или сбережений (1500 дол.) негативно связано с вероятностью заключения под стражу [Freiburger, Hilinski 2010], что можно объяснить просто: денежные средства нужны как минимум для того, чтобы выйти под залог, который по умолчанию является альтернативой заключению. Интересно, что именно отсутствие дохода или сбережений во многом объясняет расовое неравенство обвиняемых при заключении их под стражу [Freiburger, Hilinski 2010], которое демонстрировалось предыдущими исследованиями [Demuth, Steffensmeier 2004]. Таким образом, доход и, можно предположить, социально-экономический статус являются важными предикторами принятия решения о мере пресечения. Российские исследования также показывают, что применение уголовного закона может значительно отличаться в отношении обвиняемых с разным социально-экономическим статусом [Волков 2014; Volkov 2014; 2016].

Мобилизация закона также зависит от социальной дистанции между участниками конфликта и степени интеграции сообщества, от уровня образования и доступа к информации. На практике не все предположения, выдвинутые Дональдом Блэком, нашли подтверждение в эмпирических исследованиях обращений в полицию [Berg, Rogers 2017]. Исследователи сходятся на том, что теория уголовно-правовой мобилизации требует дальнейшего уточнения и развития [Berg, Rogers 2017]. В связи с этим теория о мобилизации права, сформулированная Дональдом Блэком, используется в качестве теоретической рамки, а отдельные гипотезы выдвигаются на основании конкретных эмпирических исследований.

Первое и единственное подробное эмпирическое исследование о практике заключения под стражу в России, выполненное на количественных данных, было проведено Кириллом Титаевым на выборке текстов приговоров за 2011 г. [Титаев 2014]. В этой же работе можно найти обзор литературы, посвящённой эмпирическим исследованиям принятия решений о предварительном заключении в других

юрисдикциях, а также краткую справку о системе уголовной юстиции в России. Из текстов приговоров кодировалась информация о поле судьи, государственного обвинителя, адвоката, о социальных и легальных характеристиках обвиняемого и уголовно-правовых и процессуальных обстоятельствах дела. Анализ данных показал наличие положительной связи между судимостью, отсутствием работы, признанием вины и предварительным заключением, а само предварительное заключение положительно связано с последующим назначением наказания в виде реального лишения свободы. Однако в исследовании отсутствовали сведения о социально-экономическом положении обвиняемого, за исключением факта наличия или отсутствия работы. Кроме того, анализируемая выборка охватывала только конвенциональные преступления — причинение тяжкого телесного повреждения по ч. 1 ст. 111 УК (Уголовный кодекс Российской Федерации от 1996 г. с изменениями и дополнениями), кражи по ч. 2 ст. 158 УК и хранение наркотиков по ч. 1 ст. 228 УК. Важной особенностью настоящей работы является то, что объектом исследования выступают экономические дела, тогда как факторы мобилизации права чаще изучаются по общеуголовным преступлениям — убийствам, нанесению телесных повреждений, домашнему насилию, кражам и разбоям [Felson et al. 2002; Roberts 2007; Graham et al. 2013;]4.

Гипотезы исследования

Первая группа гипотез касается отличий в применении предварительного заключения по экономическим делам в отношении предпринимателей и других социально-экономических групп обвиняемых. Определяющей социально-экономической характеристикой обвиняемых, разделяющей их на две большие группы, является наличие либо отсутствие работы. Отсутствие постоянной занятости у обвиняемых — стигматизирующая характеристика, повышающая вероятность лишения свободы при схожих обстоятельствах дела и других социальных характеристиках [Chiricos, Bales 1991; Volkov 2016]. Кроме того, отсутствие работы положительно связано с заключением под стражу по обвинению в совершении кражи по ч. 2 ст. 158 УК [Титаев 2014]. В связи с этим можно предположить, что по сравнению с предпринимателями безработные обвиняемые имеют большую вероятность досудебного заключения.

Гипотеза 1а (H 1a). *Вероятность заключения под стражу безработных значительно выше, чем предпринимателей.*

Сложнее прогнозировать уклоны правоприменителей в отношении обвиняемых, имеющих постоянный легальный доход от профессиональной деятельности. Осуждённые за мошенничество предприниматели получают консистентно более тяжкие наказания, чем другие обвиняемые, имеющие постоянный легальный источник дохода [Volkov 2016]. При этом предварительное заключение под стражу статистически влияет на выбор вида наказания — лишение свободы, но не связано напрямую с определением его размера [Титаев 2014], поэтому мы ориентировались только на данные о назначении реального лишения свободы за мошенничество. Так, предприниматели и правоохранители в случае осуждения за мошенничество имеют большую вероятность реального лишения свободы по сравнению с рабочими и в отличие от государственных служащих и офисных работников [Volkov 2016]. Отсюда можно предположить, что, во-первых, к рабочим правоприменители будут относиться более благосклонно, чем к предпринимателям. Во-вторых, госслужащие и служащие также будут находиться в более выгодном положении при избрании им меры пресечения по сравнению с предпринимателями.

Гипотеза 1б (H 1b). *Вероятность заключения под стражу рабочих значительно ниже, чем предпринимателей.*

⁴ Известна одна работа, которая развивает концепцию Блэка и основана на анализе сообщений о мошенничестве, но она принципиально отличается от настоящего исследования именно использованием виктимизационных опросов населения и, соответственно, изучением самой первой стадии мобилизации уголовного права — сообщения о преступлении полиции или другим правоохранительным органам [Copes et al. 2001].

Гипотеза 1с (H 1c). *Вероятность заключения под стражу госслужащих и служащих значительно ниже, чем предпринимателей.*

По сравнению с рабочими вероятность лишения свободы по обвинению в мошенничестве выше на 13% у правоохранителей и на 7% у предпринимателей [Volkov 2016], поэтому мы предполагаем, что при схожих обстоятельствах дела правоохранители будут чаще содержаться в СИЗО до суда, чем предприниматели.

Гипотеза 1d (H 1d). *Вероятность заключения под стражу правоохранителей значительно выше, чем предпринимателей.*

Следующая группа гипотез касается успешности мобилизации уголовного закона бизнесом и государством в случае причинения им ущерба. Коммерческие и некоммерческие организации, частные и государственные организации обладают разными ресурсами в отстаивании своих интересов и, как следствие, имеют разные шансы на успех в правовом поле разрешения конфликтов [Титаев, Дмитриева, Четверикова 2014]. В контексте права российского государства, наследовавшего советские традиции, ситуации мобилизации уголовного права принципиально отличаются в зависимости от того, были затронуты интересы государства или нет. В Советском Союзе государственная собственность подлежала значительно большей защите по сравнению с личной (которую мы условно обозначим как частную)⁵. Современные исследования показывают, что, при прочих равных, в арбитражном процессе государство-истец по сравнению с истцом-предпринимателем значительно реже выигрывает гражданские дела, но более успешно — в административном процессе [Титаев, Дмитриева, Четверикова 2014]. Уголовно-правовой порядок более схож с административным — имеет публичный характер, а для его мобилизации до суда задействуются государственные органы. В связи с этим мы предполагаем, что государство в защиту своих экономических интересов будет более успешным, чем частные организации в мобилизации уголовного закона.

Гипотеза 2а (H 2а). *По сравнению с бизнесом вероятность заключения под стражу предпринимателей выше в случае, когда потерпевшим является государство.*

Однако государственные организации в большей степени подвержены агентской проблеме, чем частные. Агентская проблема и связанные с ней издержки возникают тогда, когда происходит разделение собственности и контроля [Jensen, Meckling 1976], что вероятно как в частном секторе, так и в публичном; например, между собственниками фирмы (принципалы) и менеджерами (агенты); между избирателями и политиками; между правительством и бюрократами более низкого уровня. Чем больше действия агентов расходятся с интересами принципалов, тем выше агентские издержки и, соответственно, ниже выгода для принципалов. Анализ эмпирических исследований приватизации показал, что в среднем частные компании более эффективны и прибыльны, чем госкомпании [Megginson, Netter 1999].

В связи с возникающей перед государственными органами и организациями проблемой «принципал — агент» можно предположить, что защита государственной собственности осуществляется менее эффективно, чем частной. Так, исследование правоприменения в случае мошенничества в государственных

⁵ Один из самых простых способов проверить это утверждение — посмотреть на очерёдность глав советских уголовных кодексов, где глава о хищениях государственной собственности располагалась перед главой о хищениях частной собственности. Ранее принцип построения Уголовного кодекса был иным — от наиболее серьёзных преступлений и наказаний к наименее тяжким. Можно также сравнить санкции, которые обычно были мягче за преступления против частной собственности. Например, согласно Уголовному кодексу 1960 г., по ст. 89 и 144 о хищении собственности разных форм, максимальный срок лишения свободы за кражу социалистической или общественной собственности — 15 лет, личной собственности граждан — 10 лет.

компаниях (в компаниях, полностью принадлежащих государству) и в негосударственных компаниях (компаниях с минимальным участием государства), проведённое в Китае, показало, что, при прочих равных, негосударственная форма собственности положительно связана с частотой реагирования регулятора (специальной постоянно действующей комиссией) на мошенничество [Hou, Moore 2010].

Иными словами, в случае причинения ущерба коммерческим компаниям или индивидуальным предпринимателям, как правило, есть конкретное лицо, заинтересованное в наказании виновника и возмещении вреда, в отличие от государственных органов и организаций. Соответственно, можно предположить, что частные лица будут более настойчиво добиваться возмещения вреда и использовать для этого все доступные способы, чем представители, защищающие государственную собственность. Так, коммерческие компании могут обладать важным ресурсом, которым не обладают многие государственные организации, — устойчивыми коррупционными отношениями с правоохранителями [Кравцова 2012]. В отличие от государственных органов и организаций, у коммерческих организаций намного больше возможностей для предоставления неформальных бесплатных услуг сотрудникам полиции, чем последние пользуются, согласно свидетельствам, полученным из эмпирических качественных исследований [Zernova 2011]. Опросные данные свидетельствуют в пользу того, что сотрудники полиции часто оказывают охраняющие услуги фирмам и предприятиям, выходя за рамки своих должностных обязанностей [Wilson et al. 2008]. Таким образом, происходит приватизация принудительных ресурсов государства [Barsukova, Radaev 2012]. В свою очередь, коммерциализация правоохранительных органов может способствовать более успешной мобилизации уголовного закона в случае причинения ущерба бизнесу, а не государству.

Гипотеза 2b (H 2b). *Вероятность заключения под стражу предпринимателей выше в случае, когда потерпевшим является бизнес, а не государство.*

Данные и методы

Для проверки гипотез использовался аналитический массив Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, сформированный на данных МВД о выявленных преступлениях (форма 1), результатах расследования преступлений (форма 1.1) за 2013–2014 гг. и данных об обвиняемых (форма 2). За основу были взяты данные об обвиняемых⁶. Состав преступления в многоэпизодных делах определялся по наиболее тяжкому.

Исследование выполнено на данных, которые можно отнести к Big Data. Их особенностью является то, что они не были предназначены для эмпирических исследований на этапе создания [Волков, Скугаревский, Титаев 2016]. Отсюда следует проблема интерпретации и адекватного конструирования категорий, в связи с чем дальнейшее моделирование принятия решений о заключении под стражу будет проводиться одновременно с эмпирическим анализом основных категорий.

Отдельно была проведена работа по оценке достоверности заполнения статистических карточек об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Практики заполнения статистических карточек могут сильно различаться в зависимости от требований региональных информационных центров МВД. Во многих регионах информация о мере пресечения не считается обязательной к заполнению до тех пор, пока речь не идёт о заключении под стражу. В связи с этим при указании о содержании под стражей обвиняемого зависимая переменная кодировалась как «1», в случае иной меры пресечения

⁶ Более подробно о единицах учёта, соотношении массива с данными опубликованной официальной статистики см. в аналитическом обзоре о структуре и основных чертах экономических преступлений в России: [Четверикова, Титаев 2017].

или пропуска присваивалось значение «0»⁷. Если данные о мере пресечения были заполнены менее чем в 80%, а доля заключённых под стражу была 4% и ниже, а за совершение убийства по ст. 105 УК — ниже 50%, то регион исключался из анализа.

Гипотезы исследования проверялись с помощью логистической регрессии с последующей оценкой усреднённых предельных эффектов.

Основные переменные: экономические составы преступлений, социально-экономический статус обвиняемых и типы потерпевших

При определении экономических составов преступлений и социально-экономического статуса (СЭС) обвиняемых мы ориентировались на предыдущие работы по анализу экстралегальных факторов принятия судебных решений [Волков 2014; Volkov 2014; 2016;] и социальной обусловленности уголовного преследования за экономические преступления в России [Четверикова 2016b; Четверикова, Титаев 2017]. В настоящем исследовании *группа экономических преступлений* определяется широко и включает нетяжкие составы мошенничества и присвоения [Четверикова 2016b], а также некоторые коррупционные преступления, которые были введены в анализ для корректности сравнения практики по экономическим делам в отношении предпринимателей с госслужащими и правоохранителями. Таким образом, к экономическим составам преступлений в широком смысле были отнесены следующие статьи обвинения: ст. 145.1, 146, 147, 159–159.6, 160, 165, 169–174.1, 176–204 УК, а также коррупционные ст. 285–285.2, 289, 290–292 УК, связанные с нецелевым расходованием бюджетных средств, злоупотреблением должностным положением из корыстных побуждений и взяточничеством.

В основу категории СЭС обвиняемых был положен профессиональный статус. В эмпирических исследованиях права в сфере уголовной юстиции именно профессиональная позиция обвиняемых является основой для конструирования их экономического статуса, что часто обусловлено недоступностью других индикаторов [Zatz 2000]. Особенностью ведомственной статистики является то, что категории для анализа строятся на основе первоначальных определений, содержащихся в статистических карточках и присваиваемых следователем или дознавателем⁸. По специальным справочникам сотрудники определяют социальное и должностное положение обвиняемых на момент совершения преступления. Из пересечения различных характеристик, содержащих информацию о месте работы (правоохранительный орган, орган исполнительной власти, коммерческая организация, СМИ и т. д.), профессиональной позиции (помощник, консультант, рабочий, бухгалтер, руководитель и т. д.), и наличия властных полномочий (выполнение управленческих функций в организации) была сформирована переменная «СЭС обвиняемых», состоящая из семи категорий: предприниматели; государственные служащие; правоохранители; служащие; рабочие, безработные и др.

В 2013–2014 гг. предприниматели составляли 8,1–8,8% всех обвиняемых по экономическим делам (см. табл. 1). К категории предпринимателей в настоящей статье отнесены обвиняемые со статусом собственник — владелец предприятия, землевладелец (42,4%)⁹; предприниматель без образования юриди-

⁷ Для надёжности мы также проанализировали вероятность заключения под стражу обвиняемых, исключив из анализа пропущенные значения, когда информация о мере пресечения в регионе заполнялась хорошо (более 80%). Результаты были схожими с полученными нами и публикуемыми в настоящей статье, когда пропуски в хорошо заполненных регионах интерпретируются как случаи, когда мера пресечения не избиралась.

⁸ Анализ интервью, а также наблюдения автора в отделах полиции (проведённых в 2014 г. в рамках исследования практик обеспечения общественной безопасности) показывают, что иногда поля карточек с социальными характеристиками обвиняемых и некоторые другие заполняет специальный сотрудник, работающий в штате или формально в следствии (дознании).

⁹ Данные приведены по экономическим и коррупционным составам, отобраным для анализа.

ческого лица (51,4%); лицо, занимающееся мелкооптовой торговлей, совладелец на паях коллективной собственности и рантье (6,2%). Самыми немногочисленными из выделенных социально-экономических групп являются госслужащие (2,2–2,7%) и правоохранители (2,8%), несмотря на широкое определение группы экономических преступлений, включающей коррупционные составы. К госслужащим были отнесены только те служащие государственных органов и органов местного самоуправления, которые обладали управленческими функциями. Сотрудники правоохранительных органов классифицировались как правоохранители.

Таблица 1

Социально-экономический статус (СЭС) обвиняемых по уголовным делам, расследованным в 2013–2014 гг.

СЭС обвиняемых	Состав обвиняемых по экономическим преступлениям			Состав обвиняемых по всем преступлениям в 2013–2014 гг., количество, чел.	Процент обвиняемых в экономических преступлениях для разных СЭС, %
	Количество, чел.	2013 г., %	2014 г., %		
Предприниматели	9374	8,8	8,1	27 701	33,8
Госслужащие	2715	2,7	2,2	4213	64,4
Правоохранители	3082	2,8	2,8	7929	38,9
Служащие	19 593	18,4	17,0	42 622	46,0
Рабочие	26 120	23,0	24,3	359 355	7,3
Безработные	44 999	40,3	41,1	1 199 928	3,8
Другие	4662	3,9	4,5	174 151	2,7
Всего обвиняемых, %		100,0	100,0		6,1
Всего обвиняемых, чел.	110 545	55 933	54 612	1 815 899	

В категорию служащих, составляющих 17,0–18,4% обвиняемых по экономическим делам ежегодно, вошли следующие группы обвиняемых:

- сотрудники бюджетных организаций — служащие государственных организаций и государственных органов, за исключением госслужащих и правоохранителей: 24,8%;
- служащие коммерческих и некоммерческих организаций: 34,5%;
- служащие с управленческими функциями в коммерческих и некоммерческих организациях, в том числе бухгалтеры и директора, не обладающих правами собственности в отношении компании: 40,7%.

Отдельно были выделены группы рабочих и безработных, включая тех, кто не был зарегистрирован на бирже труда. Несмотря на то что безработными и рабочими оказываются более 60% обвиняемых по экономическим делам ежегодно, сами обвинения в совершении экономических преступлений составляют всего 11,1% всех уголовных дел в отношении этих групп обвиняемых (см. табл. 1). И наоборот, для предпринимателей, госслужащих, правоохранителей и служащих обвинения в совершении преступлений экономического характера являются «типичными» и составляют $\frac{1}{3}$ – $\frac{2}{3}$ всех уголовных дел (см. табл. 1). К категории «Другие» отнесены неработающие пенсионеры, студенты, получатели социальных пособий и другие.

Мошенничество является наиболее распространённым составом обвинений по экономическим делам в отношении предпринимателей и других обвиняемых (см. табл. 2).

В отличие от остальных обвиняемых, предпринимателям часто вменялись специфичные для них составы, например — неуплата налогов юридическими лицами (11,0%; среди других обвиняемых — 1,5%) или физическими лицами (8,6 и 0,2% соответственно), нарушение авторских и смежных прав (6,7 и 2,3% соответственно), мошенничество в предпринимательстве¹⁰ (5,9 и 0,7% соответственно).

При анализе практики заключения под стражу необходимо учитывать специфику экономических преступлений, в которых обвиняются представители разных социально-экономических групп населения, а именно квалификацию обвинений. Кроме того, при интерпретации результатов стоит иметь в виду, что квалификация преступлений может быть частью стратегии правоприменителя, например, когда обвиняют по более тяжкой статье, чтобы повысить шанс отправить обвиняемого в СИЗО до суда.

Таблица 2

Наиболее частые составы обвинений по экономическим делам, расследованным в 2013–2014 гг.

Статья УК	Суть обвинения	Предприниматели		Другие обвиняемые	
		Количество, чел.	%	Количество, чел.	%
159	Мошенничество	2296	24,4	34311	33,8
199	Неуплата налогов юридическими лицами	1040	11,0	1469	1,5
198	Неуплата налогов физическими лицами	806	8,6	193	0,2
159.2	Мошенничество с социальными выплатами	686	7,3	10192	10,0
291	Дача взятки	649	6,9	7087	7,0
146	Нарушение авторских и смежных прав	632	6,7	2284	2,3
159.4	Мошенничество в предпринимательстве	559	5,9	668	0,7
160	Присвоение или растрата	453	4,8	19674	19,4
145.1	Невыплата зарплаты	330	3,5	393	0,4
159.1	Мошенничество с кредитами	243	2,6	11036	10,9
180	Незаконная маркировка товаров	226	2,4	148	0,2
171	Незаконное предпринимательство	212	2,3	413	0,4
Другие статьи УК		1296	13,8	13601	13,4
Всего обвиняемых		9428	100,0	101 469	100,0

Потерпевшие от экономических преступлений были поделены на четыре категории¹¹: граждане; некоммерческие организации; бизнес; государство. К бизнесу отнесены случаи, когда потерпевшими признавались коммерческие компании (66,9%), предприниматели (30,2%) или топ-менеджеры (2,9%). Государство признавалось потерпевшим как в случае прямого указания на это в статистических карточках (51,2%), так и в случае, когда отмечалось, что ущерб был причинён муниципальной (11,3%) или государственной (37,5%) собственности.

Чаще всего в совершении экономических преступлений обвинялись безработные, за исключением случаев, когда потерпевшим оказывалось государство, ущерб которому почти в трети случаев был причинён служащими (27,3%) (см. табл. 3). Именно в случаях потерпевшего-государства наблюдается наибольший процент госслужащих (6,1%), правоохранителей (3,2%) и предпринимателей (12,9%)

¹⁰ Статья утратила силу в соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 г. (№ 325-ФЗ).

¹¹ Определить тип потерпевшего удалось в 80% случаев.

среди обвиняемых. Структура дел по СЭС обвиняемых очень похожа по делам с потерпевшими некоммерческими организациями и бизнесом. По расследованным делам граждане, как правило, были потерпевшими от действий безработных (62,3%).

Таблица 3

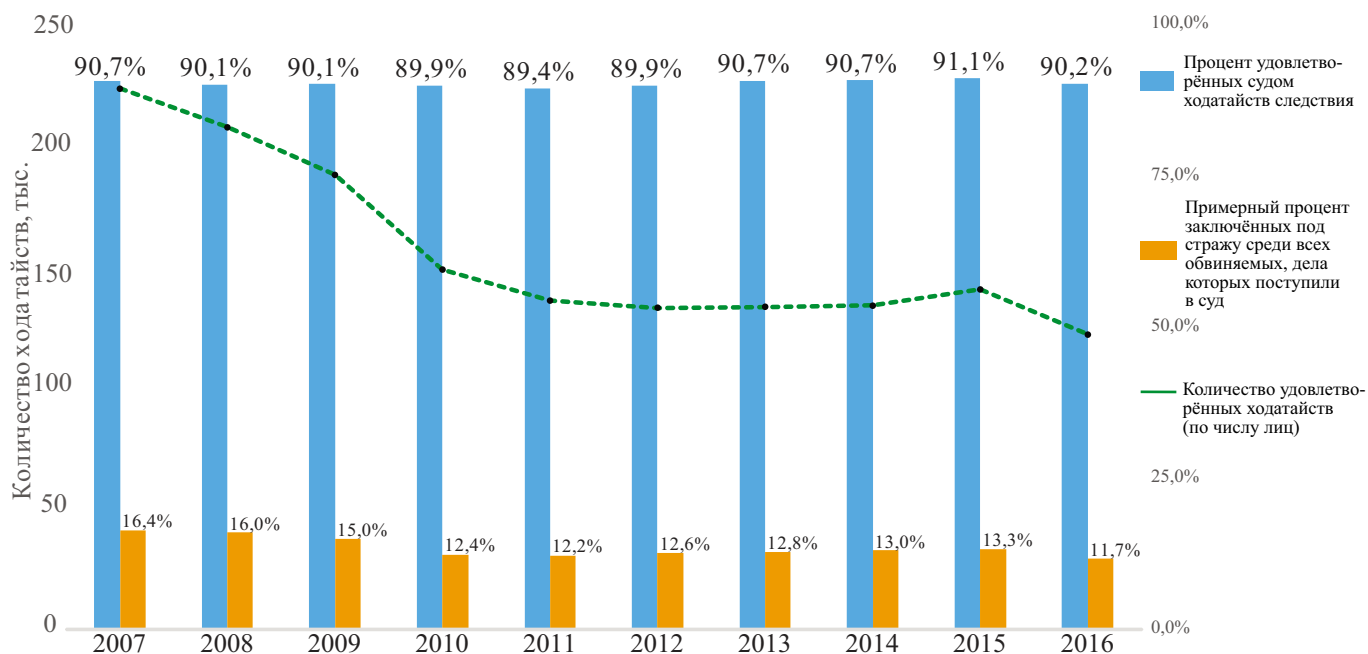
Социально-экономический статус (СЭС) обвиняемых по экономическим делам, расследованным в 2013–2014 г., в зависимости от типа потерпевших

СЭС обвиняемых	Граждане, %	Некоммерческие организации, %	Бизнес, %	Государство, %
Предприниматели	5,5	5,7	7,1	12,9
Госслужащие	0,6	0,3	0,6	6,1
Правоохранители	2,5	0,4	0,9	3,2
Служащие	7,9	13,6	15,6	27,3
Рабочие	17,2	32,1	31,5	20,5
Безработные	62,3	45,4	41,8	24,0
Другие	4,1	2,6	2,6	6,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
Всего обвиняемых, чел.	26 839	15 966	15 944	29 964
В среднем	30,3	18,0	18,0	33,8

Моделирование досудебного заключения под стражу

Следствие ходатайствует о заключении под стражу, а решение принимает суд. Однако, по данным статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, суд удовлетворяет около 90% всех ходатайств следствия о заключении под стражу обвиняемых по всем делам (см. рис. 1). Такое единодушие следствия и суда в принятии решения о заключении под стражу обвиняемых характерно для многих постсоветских стран [Трошев 2012]. Процент удовлетворённых ходатайств от года к году остаётся стабильным, несмотря на общее снижение количества обвиняемых, отправленных в СИЗО до суда, и их доли среди всех обвиняемых, дела которых поступили в суд (16,4% в 2007 г.; 11,7% в 2016 г.). Снижение произошло не потому, что суды стали реже удовлетворять ходатайства следствия, или потому, что уменьшилось общее количество обвиняемых, а потому, что следствие стало реже выходить в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Таким образом, дискреция по поводу применения предварительного заключения сосредоточена у следствия, а не у суда, что даёт нам основания игнорировать характеристики суда при моделировании принятия этого правового решения. Получается, что именно *следствие фактически решает, отправить обвиняемого в СИЗО или избрать ему иную меру пресечения.*

Согласно п. 1 ст. 108 УПК (Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 2001 г. с изменениями и дополнениями), заключение под стражу применяется по тем составам преступлений, по которым предусмотрено в качестве наказания *лишение свободы на срок свыше трёх лет* (52,6% обвиняемых по экономическим делам). По таким делам 11,4% обвиняемых находится в СИЗО до суда (см. табл. 4). В исключительных случаях обвиняемый может быть заключён под стражу и тогда, когда максимальный срок лишения свободы меньше трёх лет (обвиняемый не имеет места жительства; его личность не установлена; нарушалась ранее избранная мера пресечения; обвиняемый скрывался). В нашей выборке экономических дел только 1,0% обвиняемых в совершении преступлений небольшой тяжести (до трёх лет лишения свободы) был заключён под стражу до суда, поэтому основной анализ проводился только по делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких.

Источник: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru>

Рис. 1. Судебная практика заключения под стражу обвиняемых до суда, 2007–2016 гг.

В зависимости от СЭС обвиняемых значительно различаются шансы оказаться в СИЗО до суда. Наименьшая доля таких заключённых среди рабочих и госслужащих (3,3 и 3,5% соответственно), проходящих по экономическим делам (см. табл. 4). Однако исключение из анализа преступлений небольшой тяжести, по которым практически не применяется досудебное заключение, показывает, что меньшими шансами оказаться в СИЗО обладают служащие и госслужащие (5,5%). Правоохранители и безработные чаще всего заключаются под стражу как в целом по экономическим составам, так и по более тяжким. Среди предпринимателей 4,7% обвиняемых по экономическим делам (8,6% в случае более тяжких преступлений) ожидают судебного разбирательства в СИЗО, что меньше, чем среди правоохранителей и рабочих, но больше по сравнению с госслужащими, служащими и рабочими.

Таблица 4

Доля заключённых под стражу по расследованным в 2013–2014 гг. экономическим делам в зависимости от социально-экономического статуса (СЭС) обвиняемых и тяжести преступления

СЭС обвиняемых	Обвиняемые за преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие		Заключённые под стражу по всем преступлениям, %
	Количество, чел.	Заключённые под стражу, %	
Предприниматели	4 786	8,6	4,7
Госслужащие	1 668	5,5	3,5
Правоохранители	2 470	11,8	9,6
Служащие	12 950	5,5	3,8
Рабочие	12 098	6,4	3,3
Безработные	21 754	19,3	10,1
Другие	2 538	6,3	3,7
Всего	58 264	11,4	6,5

При исключении из анализа нетяжких преступлений наиболее частые составы обвинений становятся более однородными среди представителей из разных социально-экономических групп, чем это представлено в таблице 2. Так, более 70% обвинений, в том числе в отношении предпринимателей, образуют дела о мошенничестве, присвоении или растрате, в даче взяток и мошенничестве с социальными выплатами.

Учёт криминологических обстоятельств дела важен для корректной оценки связи между принятием правового решения и социальными характеристиками участников. Так, количество преступлений и совокупный размер ущерба от их совершения являются индикаторами общественной опасности и могут оцениваться следствием и судом как дополнительные основания к избранию меры пресечения в виде заключения под стражу. Медианный размер ущерба от преступлений, в которых обвиняются предприниматели, значительно выше, чем от преступлений, совершённых представителями других социально-экономических групп (см. табл. 5). Наличие судимости и рецидив преступлений также являются важными факторами принятия решений о назначении наказания, значительно повышающими его суровость [Chatsverykova 2016; Volkov 2016]. Наименьшая доля судимых и совершивших рецидив — среди правоохранителей, государственных служащих и служащих. Зарубежные исследования также показывают, что наличие криминальной истории положительно связано с досудебным заключением под стражу [Freiburger, Hilinski 2010; Wermink et al. 2017]. Более того, учёт судимости может значительно менять оценку социального неравенства обвиняемых при анализе практики избрания им меры пресечения. Так, различия в шансах на заключение под стражу до суда между женщинами и мужчинами значительно уменьшаются при учёте криминального прошлого обвиняемых [Freiburger, Hilinski 2010].

Таблица 5

**Криминологические обстоятельства совершения преступления
в зависимости от социально-экономического статуса (СЭС) обвиняемых**

СЭС обвиняемых	Медиана ущерба, тыс. руб.	Судимость (одна и более), %	Рецидив, %	Неоконченные преступления, %	Выявленные органами по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции, %	Преступления, совершённые в городе, %
Предприниматели	531,8	9,7	2,3	12,6	78,5	85,0
Госслужащие	50,0	4,1	0,7	8,3	81,6	55,8
Правоохранители	20,0	1,6	0,0	15,5	30,7	84,3
Служащие	112,4	5,1	1,0	7,6	83,5	79,6
Рабочие	42,8	13,4	5,6	16,1	63,7	83,3
Безработные	23,0	28,6	15,2	16,2	38,0	84,7
Другие	17,0	8,8	3,3	15,7	58,2	84,8
По всем обвиняемым	44,1	16,0	7,4	13,7	58,6	82,5
Всего обвиняемых, чел.	51 709	9267	4315	7984	34 138	48 034

Увеличивать шансы на предварительное заключение может и неоконченный характер преступления (например, при покушении). В отношении служащих и государственных служащих меньше всего дел

экономического характера, по которым преступление не было окончено (см. табл. 5). Неоконченный характер преступления означает, что деятельность обвиняемого была прервана правоохранительными органами, а значит, выше шанс сохранения для следствия доказательств преступного характера этой деятельности. Также при неоконченном характере преступления следствие и суд могут посчитать, что обвиняемый продолжит преступную деятельность, что является основанием к избранию меры пресечения согласно п. 2 ч. 1 ст. 97 УПК.

Чем выше профессиональная активность правоохранителей, тем больше уголовного закона присутствует в жизни. При этом активность правоохранителей во многом зависит от организационных стимулов — «палочной системы» и других административных факторов [Lundman 1979; Волков et al. 2010; Paneyakh 2013], а также от профессиональной культуры и социализации в ней [McConville, Sanders, Leng 1991; Innes 2003]. Органы по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции (ОБЭП) — это специализированные подразделения полиции, оценка деятельности которых во многом основана на показателях выявленных и раскрытых преступлений экономической направленности¹². Сотрудники ОБЭП сопровождали уголовные дела в отношении 78,5% предпринимателей, 81,6% госслужащих и 83,5% служащих, обвинённых в экономических преступлениях (см. в табл. 5); показатели в отношении других социально-экономических групп значительно ниже. Выявление и раскрытие преступления сотрудниками ОБЭП может быть значимым фактором для принятия следствием и судом решения о заключении обвиняемого под стражу.

Кроме того, совершение преступления в сельской местности или городе может опосредованно влиять на решение о мере пресечения. Например, исследование правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в Миннесоте показало, что практика изъятия из семьи и тяжесть наказания существенно разнятся между судами, рассматривающими дела в условиях города, пригорода или села [Feld 1991].

СЭС — не единственная характеристика социального положения обвиняемых, опосредующая принятие правовых решений. Наличие гражданства РФ является одним из главных экстралегальных факторов при назначении наказаний [Волков et al. 2014]. Наличие гражданства РФ и постоянного места жительства там, где было совершено преступление и, соответственно, производится расследование, может напрямую влиять на оценку правоприменителями риска скрыться от следствия. Рабочие и безработные чаще других обвиняемых не обладали гражданством РФ и (или) являлись местными жителями (см. табл. 6).

Правоприменительные практики по отношению к женщинам могут быть более мягкими, что показывают исследования роли гендера при вынесении приговоров [Четверикова 2014; Chatsverykova 2016], а значит, пол также способен влиять на решение о мере пресечения. Учитываются и возрастная категория обвиняемых, и наличие высшего образования (см. табл. 6).

¹² О преступлениях экономической направленности более подробно см. в аналитическом обзоре: [Четверикова, Титаев 2017].

Таблица 6

**Социальные характеристики обвиняемых в зависимости
от их социально-экономического статуса (СЭС), %**

СЭС обвиняемых	Гражданство РФ	Местный житель	Женщины	Возраст			Наличие высшего образования
				18–30 лет	от 30 до 60 лет	старше 60 лет	
Предприниматели	98,7	89,2	21,3	18,1	78,0	3,9	53,3
Госслужащие	99,9	95,9	44,8	8,1	84,1	7,9	75,0
Правоохранители	100,0	93,9	16,0	36,0	63,7	0,4	70,2
Служащие	99,4	90,0	42,8	18,3	74,2	7,5	64,6
Рабочие	95,4	87,0	33,8	38,9	59,4	1,7	25,2
Безработные	90,8	79,6	26,7	46,6	52,4	0,9	12,9
Другие	98,9	81,8	45,9	42,4	36,4	21,3	22,2
В среднем	95,3	85,4	32,2	34,7	61,5	3,8	34,9
Всего обвиняемых, чел.	53 257	49 762	18 768	20 192	35 839	2233	20 301

Таким образом, при анализе вероятности досудебного заключения под стражу мы учитывали социальные характеристики обвиняемых, тип потерпевшего, криминологические обстоятельства дела, состав преступления, год окончания следствия и региональный контекст (описательная статистика и кодирование переменных приведены в приложении, см. табл. П.1).

Результаты

Базовая модель (М 1), помимо СЭС обвиняемых, учитывает региональную специфику и временной тренд (см. табл. 7). Результаты такой регрессионной модели показывают, что вероятность заключения в СИЗО до суда по экономическому делу значительно ниже у обвиняемых из всех социально-экономических групп по сравнению с предпринимателями, за исключением правоохранителей и безработных. Наблюдаемые различия в вероятности досудебного заключения между предпринимателями и другими группами обвиняемых соответствуют выдвинутым ранее гипотезам Н 1а — Н 1д, однако такая модель не учитывает другие важные социальные и криминологические факторы принятия решения о мере пресечения.

Добавление в модель социальных характеристик обвиняемых (М 2) показывает, что часть различий в вероятности досудебного заключения предпринимателей и «белых воротничков» (служащих и госслужащих) можно объяснить не столько профессиональным статусом, сколько различным распределением других социальных характеристик в этих группах. Так, различия в вероятности досудебного заключения между предпринимателями и «белыми воротничками» значительно снижаются при учёте любого из следующих факторов — пола обвиняемых, их гражданства или места жительства. Таким образом, вероятность досудебного заключения значительно снижается в случае, когда обвиняемый является женщиной (– 6,3%), имеет гражданство РФ (– 2,5%), постоянно проживает в месте совершения преступления (– 10,1%) и (или) для тех, чей возраст старше 60 лет, то есть для пенсионеров (– 3,7%) (см. табл. 7). Именно среди обвиняемых служащих и госслужащих такие характеристики наиболее распространены (см. табл. 6).

При учёте других социальных характеристик обвиняемых различия в вероятности досудебного заключения предпринимателей и рабочих практически не меняются, что можно объяснить отсутствием

значительных расхождений между группами по основным социальным характеристикам, связанным с выбором меры пресечения, в первую очередь — с наличием гражданства РФ и постоянного места жительства в месте проведения расследования (см. табл. 6). Вероятность заключения под стражу безработных выше на 7,7% по сравнению с предпринимателями (М 2) (см. табл. 7), что значительно меньше, чем показывала базовая модель (М 1). И наоборот, различия между предпринимателями и правоохранителями становятся значимыми после учёта социально-демографических характеристик.

Различия в вероятности досудебного заключения предпринимателей и других обвиняемых по экономическим делам уменьшаются при учёте в модели криминологических факторов, включая судимость и рецидив (М 3). Вероятность заключения под стражу обвиняемых положительно связана с наличием у них судимости, рецидивом преступлений, суммой ущерба, количеством преступлений в деле и неоконченным характером преступлений (М 3). Вероятность досудебного заключения ниже, если преступление было выявлено ОБЭП. Скорее всего, такая негативная связь обусловлена тем, что, помимо сотрудников ОБЭП, оперативным сопровождением экономических и коррупционных дел часто занимаются сотрудники собственной безопасности МВД или ФСБ, которые могут обладать большими организационными ресурсами для успешной мобилизации уголовного закона.

После добавления в модель принятия решения о заключении под стражу контроля на составы преступлений (М 4) пропадает значимость различий в вероятности досудебного заключения между предпринимателями и рабочими, но значительно увеличиваются различия между предпринимателями и правоохранителями. И здесь важную роль играют именно составы преступлений (в данном случае — части статей УК), а не их тяжесть, контроль которой не меняет значительно результаты предыдущей модели (М 7) (см. табл. П.3).

Таким образом, как и предполагалось в гипотезе Н 1а, при прочих равных, вероятность досудебного заключения безработных значительно выше (на 4,4%), чем предпринимателей (М 4). Гипотеза Н 1b не подтвердилась, так как результаты анализа показывают отсутствие значимых различий между вероятностью заключения предпринимателей и рабочих при учёте различий в квалификации преступлений. Гипотеза Н 1с подтвердилась частично, так как, при прочих равных, только обыкновенные служащие имеют меньшую вероятность заключения под стражу (– 2,2%), чем предприниматели; статистически значимых различий между госслужащими и предпринимателями не обнаружено. Вероятность досудебного заключения правоохранителей на 4,1% выше по сравнению с предпринимателями, что соответствует гипотезе Н 1d.

Следующая модель (М 5) дополнительно учитывает тип потерпевшего по делу, помимо криминологических обстоятельств дела, социальных характеристик обвиняемых и составов преступлений. Вероятность досудебного заключения обвиняемых ниже по сравнению с потерпевшими-гражданами, когда потерпевшими по делу являются некоммерческие организации (– 3,3%), бизнес (– 2,4%) или государство (– 5,0%). При учёте типа потерпевших (М 5) эффекты СЭС обвиняемых не меняют направление связи с вероятностью заключения под стражу по сравнению с предыдущей моделью (М 4).

Таблица 7

Усреднённые предельные эффекты на вероятность досудебного заключения под стражу, оценённой с помощью логистической регрессии, %

Зависимые переменные	М 1	М 2	М 3	М 4	М 5	М 6 ^(а)
СЭС обвиняемого (реферативная группа — предприниматели)						
Госслужащие	- 3,4**	- 2,0*	- 0,5	- 0,2	1,6	
Правоохранители	1,6	1,8*	1,8	4,1**	2,8*	
Служащие	- 4,5**	- 3,3**	- 3,2**	- 2,2**	- 2,0**	
Рабочие	- 2,7**	- 2,4**	- 3,1**	- 1,2	- 1,2	
Безработные	9,0**	7,7**	3,8**	4,4**	4,6**	
Женский пол		- 6,3**	- 4,5**	- 4,1**	- 4,0**	- 2,4
Гражданство РФ		- 2,5**	- 6,3**	- 11,0**	- 11,7**	- 13,7**
Местный житель		- 10,1**	- 9,9**	- 8,8**	- 9,3**	- 3,5*
Высшее образование		1,0**	2,1**	- 0,1	- 0,3	- 0,9
Возраст обвиняемых (реферативная группа — 18–29 лет)						
30–60 лет		0,1	0,2	- 0,1	0,1	- 2,4
60 лет и более		- 3,7**	- 3,0**	- 3,6**	- 3,0**	- 4,0
Преступление совершено в городе						
			5,8**	3,7**	4,9**	6,6**
Наличие судимости (реферативная группа — отсутствует)						
Одна			6,4**	5,2**	5,5**	0,4
Две и более			10,3**	9,0**	9,3**	6,8
Рецидив преступлений			3,7**	3,4**	3,6**	11,6**
Размер ущерба (<i>ln</i>)			0,3**	0,2**	0,3**	- 0,2
Количество преступлений			4,3**	2,7**	3,1**	2,1
Неоконченное преступление			2,3**	3,3**	5,1**	2,6
Сотрудники ОБЭП			- 3,6**	- 3,6**	- 3,0**	- 1,9
Тип потерпевшего (реферативная группа — граждане)						
Некоммерческие организации					- 3,3**	
Бизнес					- 2,4**	
Государство					- 5,0**	
Тип потерпевшего (реферативная группа — государство)						
Бизнес						4,2*
Части статей УК	—	—	—	+	+	+
Год окончания следствия	+	+	+	+	+	+
Регионы	+	+	+	+	+	-
Количество наблюдений	58 049	55 599	55 409	54 831	44 095	2 005

Примечания

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. Экономические дела ограничены преступлениями, за совершение которых предусмотрено лишение свободы сроком более трёх лет.

^(а) Модель М 6 дополнительно ограничена преступлениями, в которых обвиняются предприниматели, а потерпевшими являлись бизнес или государство. Результаты категории «Другие» не представлены. Регрессионные коэффициенты и стандартные ошибки, кластеризованные на уровне органов, расследовавших дело, приведены в приложении (см. табл. П.2).

В моделях М 1 — М 5 была проанализирована вероятность заключения под стражу по всем экономическим делам, включая те, где потерпевшими являлись граждане, некоммерческие организации,

бизнес или государство. Результаты показали, что вероятность досудебного заключения значительно меняется в зависимости от типа потерпевшего: в случае наличия потерпевших граждан вероятность заключения под стражу выше по сравнению с тем, когда от преступления пострадали некоммерческие организации, бизнес или государство (М 5). Гипотезы Н 2а и Н 2б о разной практике защиты интересов бизнеса и государства касаются только преступлений, в которых обвиняются предприниматели. В следующей модели мы проанализировали вероятность заключения под стражу предпринимателей только по тем экономическим делам, где потерпевшими были признаны коммерческие компании (в том числе индивидуальные предприниматели) или государство. При потерпевшем бизнесе вероятность заключения под стражу предпринимателей выше на 4,2% по сравнению с тем, когда потерпевшим являлось государство, что соответствует гипотезе Н 2б и противоречит альтернативной гипотезе Н 2а (М 6 в таблице 7).

Выдвинутые гипотезы мы тестировали на выборке экономических дел, включая коррупционные, по которым возможно назначить лишение свободы на срок свыше трёх лет. Анализ вероятности предварительного заключения по всем экономическим делам независимо от вида возможного наказания и тяжести преступления показывает схожие результаты (М 8 —М 9, см. табл. П.3). Таким образом, наши выводы относятся не только к выборке более тяжких экономических преступлений, но к универсуму обвиняемых по экономическим делам в целом.

Обсуждение

Подводя итог тестирования первой группы гипотез, стоит отметить, что полностью подтвердились гипотезы Н 1а и Н 1д, согласно которым вероятность заключения под стражу безработных и правоохранителей выше, чем предпринимателей. Более суровое отношение правоприменителей к безработным при избрании меры пресечения и (или) назначении наказаний, при прочих равных, — часто фиксируемое явление в эмпирических исследованиях [Chiricos, Bales 1991; Титаев 2014; Volkov 2016]. Большая вероятность содержания в СИЗО до суда правоохранителей по сравнению с предпринимателями также вписывается в общий тренд более суровых правоприменительных практик в случаях, когда дело возбуждено и обвинение предъявлено [Volkov 2016]. К сожалению, ведомственная статистика не позволяет оценить, как отличаются шансы инициировать уголовное дело в отношении разных социально-экономических групп. Можно только предполагать, что на этапе возбуждения уголовного дела и предъявления обвинения происходит жёсткий отбор, при котором лица, обладающие реальной властью и статусом, имеют меньше шансов оказаться в ряду обвиняемых. Иными словами, можно предположить, что правоохранители редко становятся обвиняемыми, но если уголовное дело заведено, то к ним применяются наиболее репрессивные правовые институты.

Гипотеза Н 1б о меньшей вероятности заключения рабочих по сравнению с предпринимателями не нашла своего подтверждения при учёте состава преступления. Как правило, рабочие обвиняются по более мягким составам, чем предприниматели. Если нивелировать различия в практике квалификации преступлений, то вероятности досудебного заключения предпринимателей и рабочих, при прочих равных, не будут статистически различаться.

Гипотеза Н 1с подтвердилась частично. Изначально предполагалось, что вероятность досудебного заключения служащих и государственных служащих («белых воротничков») значительно ниже, чем предпринимателей. Однако предположение оказалось верным только в части, касающейся служащих, вероятность досудебного заключения которых, при прочих равных, значительно ниже, чем предпринимателей.

Исследования назначения наказаний в самых разных юрисдикциях, включая российскую, показывают, что досудебное заключение обвиняемых имеет сильную положительную связь с последующим выбором реального лишения свободы в качестве наказания [Weidner, Frase, Schultz 2005; Hartley et al. 2011; Bond, Jeffries 2014; Титаев 2014]. Следовательно, можно ожидать, что различия в вероятности досудебного заключения в зависимости от СЭС обвиняемых будут соответствовать различиям в вероятности реального лишения свободы, когда мера пресечения не учитывалась в моделях назначения наказания. Опираясь на это предположение и исследование легальных и экстралегальных факторов назначения наказаний [Volkov 2016] в части выбора лишения свободы в качестве наказания за мошенничество, мы формулировали конкретные гипотезы (H 1a — H 1d) для анализа.

Категория СЭС обвиняемых в настоящем исследовании несколько отличалась от той, которая представлена в исследованиях принятия решений судьями по уголовным делам, опирающихся на судебную статистику [Волков 2014; Четверикова 2014; Volkov 2014; 2016]. Чтобы сопоставить различия в вероятности досудебного заключения в зависимости от СЭС обвиняемых в российской юрисдикции с различиями в вероятности реального лишения свободы, мы отдельно проанализировали дела о мошенничестве, поделив служащих на три категории (топ-менеджеры, офисные работники и служащие бюджетных организаций) и выделив студентов из категории «Другие» (M 10, см. табл. П.3). Если выбрать рабочих в качестве реферативной группы в модели с «расширенной» категорией СЭС обвиняемых (M 10, но другие контрасты не приводятся), то значимые различия в вероятности досудебного заключения обнаружатся между рабочими и топ-менеджерами (– 1,9%), а также между рабочими и правоохранителями (+ 4,0%). При этом исследование Вадима Волкова показало, что вероятность реального лишения свободы за мошенничество значительно увеличивается для правоохранителей (+ 13%), топ-менеджеров (+ 2%) и предпринимателей (+ 7%), но уменьшается для госслужащих (– 2%) и студентов (– 6%) по сравнению с рабочими [Volkov 2016: 650]. Статистически значимые отличия между рабочими и офисными сотрудниками не обнаружены в вероятности как заключения под стражу, так и реального лишения свободы.

Получается, что в отличие от других обвиняемых правоохранители оказываются в неблагоприятной позиции ещё на стадии следствия и на последующих стадиях уголовного преследования продолжают испытывать более суровое отношение со стороны суда, связанное с их профессиональной позицией. В то же время обвиняемые предприниматели и топ-менеджеры, к которым судьи также чаще применяют реальное лишение свободы, чем к другим «благополучным» обвиняемым, находятся под стражей до суда с такой же либо даже меньшей вероятностью, чем рабочие. Иными словами, по сравнению с рабочими применение более репрессивных институтов в отношении предпринимателей и топ-менеджеров, обвинённых в совершении мошенничества, начинается на более поздних стадиях, в первую очередь, при назначении наказания. Что касается госслужащих, то здесь сделать сопоставление проблематично. Судебная статистика не позволяет достоверно разделить государственных служащих и служащих бюджетных организаций, обладающих управленческими функциями (например, заведующие детскими садами, отделениями в больницах, бухгалтеры и т. д.). При анализе ведомственной статистики различий в вероятности досудебного заключения рабочих и госслужащих (или служащих бюджетных организаций) не обнаружено. Однако по сравнению с предпринимателями именно бюджетные служащие, но не госслужащие, имеют меньшую вероятность заключения под стражу (– 2,5%) (M 10, см. табл. П.3). Возможно, и на судебной стадии за более мягкое отношение к госслужащим по сравнению с рабочими отвечают именно служащие бюджетных организаций, не наделённые статусом государственного служащего.

Гипотеза H 2a о наибольшей защите государства по сравнению с потерпевшим бизнесом по обвинениям предпринимателей не подтвердилась (M 6, см. табл. 7). Результаты соответствуют альтернативной гипотезе H 2b, опирающейся на идею о большей подверженности агентской проблеме государствен-

ных органов, организаций и предприятий, по сравнению с частными коммерческими компаниями и индивидуальными предпринимателями, что приводит к менее эффективной защите государственной собственности по сравнению с частной. При этом наибольшая вероятность заключения под стражу наблюдается по делам, где потерпевшими выступали обычные граждане (М 5, см. табл. 7), в том числе при исключении из анализа обвиняемых безработных, доля которых значительно выше среди дел с потерпевшими гражданами (см. табл. 3) и коррупционных дел (результаты моделей не приводятся). Таким образом, мы видим, что наименьшая вероятность заключения под стражу у обвиняемых существует тогда, когда государству был нанесён ущерб от преступления, и наибольшая — когда потерпевшим по делу проходит гражданин, а также бизнес.

Стоит отметить, что большую защиту получает бизнес (по сравнению с государством) в случае совершения преступления не только предпринимателями (М 6, см. табл. 7), но и другими обвиняемыми (М 11, см. табл. П.3). Более того, в случаях, когда от преступления пострадали бизнес или государство, вероятность заключения под стражу у предпринимателей статистически не отличается от вероятности досудебного заключения госслужащих и рабочих и ненамного больше по сравнению со служащими, заключение под стражу которых на 1,2% менее вероятно, чем предпринимателей (М 11). Следовательно, за исключением обвиняемых правоохранителей, вероятность содержания под стражей до суда предпринимателей, от действий которых пострадали интересы бизнеса или государства, практически такая же, как у остальных обвиняемых, имеющих постоянный легальный источник дохода.

Заключение

Советский уголовный закон (в редакции 1960 г.) предоставлял для государственной и общественной собственности большую защиту от преступных посягательств по сравнению с частной, предусматривая большие сроки лишения свободы в качестве наказания. Российский Уголовный кодекс 1996 г. не делает различий между формами собственности. Однако современная правоприменительная практика более репрессивна в ситуациях, когда пострадали частные экономические интересы, будь то интересы бизнеса или граждан. Мобилизация уголовного закона до суда, в ситуациях причинения экономического вреда государству, наименее успешна, так как применение наиболее репрессивного инструмента уголовного преследования — содержания под стражей — менее вероятно по сравнению с расследованием дел с другими типами потерпевших. Более успешное применение уголовной репрессии в защиту частных интересов осуществляется как по делам предпринимателей, так и по делам других обвиняемых в совершении экономических преступлений. Такие результаты соответствуют предположению о разной степени подверженности агентской проблеме: у государственных органов, организаций и предприятий стимулов к защите государственной собственности меньше, чем у коммерческих компаний и индивидуальных предпринимателей — к частной.

Досудебное заключение под стражу предпринимателей является одной из самых дискутируемых тем при обсуждении способов силового давления на бизнес [Малаховский 2016; Кузнецов 2017; Хутов 2017]. Предполагается, что именно содержание в СИЗО является основным инструментом, с помощью которого можно заставить предпринимателя переписать активы, признать вину по делу и (или) парализовать деятельность компании и разрушить бизнес. Действительно, если не считать правоохранителей и безработных, а также не учитывать различия в других социальных характеристиках и криминологических обстоятельствах (судимость, размер ущерба, количество преступлений в деле и т. д.), предприниматели чаще содержатся в СИЗО до суда, чем другие обвиняемые, имеющие постоянный легальный источник дохода. Однако картина меняется, если анализировать эффект социально-экономического статуса обвиняемых на выбор меры пресечения в случае «усреднённого» представителя соответствующей группы, то есть при учёте различий в социальных характеристиках обвиняемых, значимых обстоятельствах совершения преступлений и квалификационных практиках по частям статей УК.

При прочих равных, досудебная мобилизация уголовного закона по репрессивной модели (с заключением под стражу обвиняемого) по экономическим и коррупционным делам положительно связана со статусом сотрудника правоохранительных органов или безработного. В иных случаях вероятность досудебного заключения предпринимателей принципиально не отличается от вероятности заключения под стражу других обвиняемых, за исключением служащих коммерческих и бюджетных организаций. Именно к служащим коммерческих и бюджетных организаций можно наблюдать устойчивое мягкое отношение следствия и суда при избрании меры пресечения. В дальнейшем полученные результаты могут быть уточнены с помощью анализа эффекта взаимодействия социально-экономического статуса обвиняемого с другими социальными характеристиками (пол, возраст, наличие семьи, гражданство и постоянное место жительства в месте совершения преступления), а также криминологическими обстоятельствами дел (размер ущерба и наличие судимости) на выбор меры пресечения. Так, американские исследования досудебного заключения под стражу и назначения наказаний показывают наличие значимого мультипликативного влияния индивидуальных характеристик обвиняемых [Steffensmeier, Ulmer, Kramer 1998; Spohn, Holleran 2000; Freiburger, Hilinski 2010], которое может более точно объяснить закономерности мобилизации уголовного закона.

В социологических и политологических исследованиях взаимоотношений бизнеса и полиции в России привычно поднимается вопрос об использовании уголовной репрессии, в том числе заключения под стражу, для передела собственности и давления на предпринимателей [Gans-Morse 2012; Dubova, Kosals 2013]. Эмпирические исследования права чаще фокусируются на связи досудебного заключения под стражу и признания вины, которое нередко приводит к особому порядку рассмотрения дела, а также влияет на назначение реального лишения свободы в качестве наказания [Kellough, Wortley 2002; Weidner, Frase, Schultz 2005; Sacks, Ackerman 2012; 2014; Титаев 2014; Титаев 2017]. При анализе мобилизации уголовного закона по экономическим делам необходимо учитывать оба эти направления исследований. Заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть продиктовано, с одной стороны, коррупционными интересами правоприменителей, а с другой — бюрократической логикой, направленной на быстрое и беспроblemное прохождение дела. Обеспечить быстрое прохождение дела могут признание вины обвиняемым и выбор особого порядка рассмотрения дела, к чему подталкивает сам факт досудебного заключения под стражу. Как отмечают исследователи правоприменительной практики в Канаде, при схожих обстоятельствах дела обвиняемый, находящийся на свободе до суда, не соглашаясь признать вину, повышает свои шансы на снятие всех обвинений, в то время как обвиняемый, ожидающий суда под арестом, лишь продлевает своё заключение [Kellough, Wortley 2002]. Возможно, служащие, в отличие от других «благополучных» обвиняемых, чаще признают свою вину и выбирают особый порядок до решения вопроса о мере пресечения, тем самым избегая досудебного заключения под стражу. При этом предприниматели, госслужащие и правоохранители реже соглашаются на особый порядок, предпочитая полноценное судебное разбирательство [Волков et al. 2014]. Заключение под стражу может использоваться как способ давления не столько для реализации коррупционных интересов правоохранителей, сколько для понуждения обвиняемого пойти на особый порядок и предотвращения затягивания следствия.

Приложение

Таблица П.1

Описательная статистика для обвиняемых по экономическим делам, включая коррупционные составы, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок более трёх лет

Зависимые переменные	Кодирование	Заключение под стражу не назначалось		Заключённые под стражу до суда	
		Наблюдения	Среднее значение (стандартное отклонение)	Наблюдения	Среднее значение (стандартное отклонение)
СЭС обвиняемых:	[0:6]	58 223	100,0	6646	100,0
Предприниматели	0		8,2		6,3
Госслужащие	1		2,9		1,4
Правоохранители	2		4,2		4,4
Служащие	3		22,2		10,7
Рабочие	4		20,8		11,7
Безработные	5		37,3		63,1
Другие	6		4,4		2,4
Женщины	1 / 0	58 245	32,2	6647	16,5
Гражданство РФ	1 / 0	55 850	95,3	6337	86,0
Местный житель	1 / 0	58 231	85,4	6642	61,9
Высшее образование	1 / 0	58 187	34,9	6645	28,3
Возраст:	[0:2]	58 245	100,0	6647	100,0
18–29 лет	0		34,7		40,0
30–59 лет	1		61,5		58,4
60 лет и старше	2		3,8		1,5
Преступление совершено в городе	1 / 0	58 240	82,4	6647	91,9
Наличие судимости:	[0:2]	58 042	100,0	6626	100,0
Нет	0		84,0		66,4
Одна	1		7,7		13,4
Две и более	2		8,2		20,2
Рецидив преступлений	1 / 0	58 021	7,4	6624	19,8
Размер ущерба	<i>ln</i> (руб.)	58 245	9,7 (4,38)	6647	9,7 (5,08)
Количество преступлений		58 245	1,0 (0,15)	6647	1,0 (0,16)
Неоконченный характер	1 / 0	58 245	13,7	6647	19,7
Выявлено сотрудниками ОБЭП	1 / 0	58 245	58,6	6647	41,6
Тип потерпевшего:	[0:3]	46 264	100,0	5711	100,0
Граждане	0		40,1		59,8
Некоммерческие организации	1		10,7		5,7
Бизнес	2		15,7		16,8
Государство	3		33,4		17,7
Потерпевший бизнес (реферативная группа — государство)	1/0	22 721	32,0	1967	48,7
Тяжесть преступления:	[0:2]	58 245	100,0	6647	100,0
Средней тяжести	0		42,2		39,0
Тяжкие	1		56,8		58,0
Особо тяжкие	2		1,0		2,9
Год окончания следствия	2013/2014	58 097	50,8	6625	49,9

Таблица П.2

Логистические модели вероятности досудебного заключения под стражу по экономическим делам, включая коррупционные составы

	М 1	М 2	М 3	М 4	М 5	М 6 ^(а)
СЭС обвиняемых (реферативная группа — предприниматели)						
Госслужащие	-0,501** (0,149)	-0,281 (0,152)	-0,059 (0,159)	-0,024 (0,170)	0,215 (0,180)	
Правоохранители	0,183 (0,104)	0,214* (0,104)	0,211 (0,117)	0,529** (0,145)	0,362* (0,163)	
Служащие	-0,708** (0,075)	-0,520** (0,078)	-0,456** (0,083)	-0,359** (0,099)	-0,307** (0,105)	
Рабочие	-0,372** (0,077)	-0,350** (0,082)	-0,438** (0,088)	-0,184 (0,097)	-0,189 (0,108)	
Безработные	0,823** (0,061)	0,776** (0,067)	0,411** (0,077)	0,568** (0,086)	0,575** (0,097)	
Другие	-0,381** (0,135)	-0,193 (0,146)	-0,244 (0,142)	-0,045 (0,157)	-0,078 (0,156)	
Женщины		-0,738** (0,051)	-0,555** (0,052)	-0,564** (0,051)	-0,526** (0,051)	-0,385 (0,258)
Гражданство РФ		-0,292** (0,094)	-0,776** (0,095)	-1,497** (0,097)	-1,525** (0,103)	-2,163** (0,642)
Местный житель		-1,183** (0,058)	-1,220** (0,060)	-1,202** (0,059)	-1,210** (0,063)	-0,558* (0,266)
Высшее образование		0,118** (0,044)	0,254** (0,047)	-0,012 (0,046)	-0,033 (0,051)	-0,146 (0,228)
Возраст (реферативная группа: 18–29 лет):						
30–59 лет		0,008 (0,042)	0,027 (0,043)	-0,020 (0,045)	0,012 (0,045)	-0,358 (0,224)
60 лет и старше		-0,501** (0,117)	-0,414** (0,126)	-0,551** (0,140)	-0,438** (0,151)	-0,643 (0,626)
Совершено в городе			0,710** (0,075)	0,504** (0,078)	0,632** (0,084)	1,041** (0,350)
Наличие судимости (реферативная группа отсутствует):						
Одна			0,713** (0,065)	0,658** (0,070)	0,671** (0,072)	0,064 (0,380)
Две и более			1,037** (0,074)	1,035** (0,077)	1,045** (0,079)	0,855 (0,442)
Рецидив преступлений			0,453** (0,074)	0,462** (0,077)	0,464** (0,079)	1,839** (0,493)
Размер ущерба (<i>ln</i>)			0,031** (0,007)	0,025** (0,007)	0,033** (0,009)	-0,030 (0,039)
Количество преступлений			0,534** (0,136)	0,372** (0,129)	0,404** (0,154)	0,326 (0,542)
Неоконченный характер			0,279** (0,077)	0,454** (0,082)	0,659** (0,092)	0,410 (0,490)

Таблица П.2. Окончание

	М 1	М 2	М 3	М 4	М 5	М 6 ^(а)
Выявлено ОБЭП			-0,445** (0,057)	-0,485** (0,057)	-0,384** (0,062)	-0,300 (0,273)
Тип потерпевшего (реферативная группа — граждане):						
Некоммерческие организации					-0,425** (0,110)	
Бизнес					-0,300** (0,076)	
Государство					-0,675** (0,104)	
Тип потерпевшего (реферативная группа — государство)						
Бизнес						0,665* (0,276)
Части статей УК	—	—	—	Да	Да	Да
Регионы	Да	Да	Да	Да	Да	—
Год окончания следствия	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Наблюдения	58 049	55 599	55 409	54 831	44 095	2005
Псевдо-R2	0,123	0,166	0,209	0,299	0,310	0,234

Примечания

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. Экономические дела ограничены преступлениями, за совершение которых предусмотрено лишение свободы сроком более трёх лет.

^(а) Модель М 6 дополнительно ограничена преступлениями, в которых обвинялись предприниматели, а потерпевшими являлись бизнес или государство. Стандартные ошибки, кластеризованные на уровне органов, расследовавших дело, приведены в скобках

Логистические модели вероятности заключения под стражу при разных статусах контроля на составы преступлений и социально-экономический статус (СЭС) обвиняемых

Таблица П.3

Переменные	Экономические дела (более трёх лет лишения свободы)		Все экономические дела		Все экономические дела в отпущении предпринимателей с потерпевшими В./Г.		Дела о мошенничестве		Экономические дела (более трёх лет лишения свободы) с потерпевшими В./Г.			
	М 7	М 8	М 9	М 10	М 11	М 7	М 8	М 9	М 10	М 11		
	Коэф.	Ст. ош.	Коэф.	Ст. ош.	Коэф.	Ст. ош.	Коэф.	Ст. ош.	Коэф.	Ст. ош.		
СЭС обвиняемых (реферативная группа — предприниматели)												
Госслужба	-0,131	0,165	-1,0	0,019	0,167	0,1	0,210	0,186	1,5	0,415	0,203	2,3
Правоохранители	-0,012	0,123	-0,1	0,565	0,137	2,6**	0,421	0,181	3,1*	0,656	0,250	3,9*
Служащие	-0,530	0,085	-3,6**	-0,343	0,093	-1,2**				-0,248	0,121	-1,2*
Рабочие	-0,432	0,089	-3,0**	-0,145	0,091	-0,5	-0,135	0,125	-0,9	-0,164	0,170	-0,8
Безработные	0,502	0,079	4,6**	0,564	0,083	2,6**				0,519	0,142	3,0**
Другие	-0,259	0,148	-1,9	-0,040	0,146	-0,2				0,220	0,223	1,2
Дополнительно выделенные группы для СЭС обвиняемых												
Бюджетные служащие							-0,437	0,185	-2,5*			
Топ-менеджеры							-0,489	0,116	-2,8**			
Офисные работники							-0,247	0,131	-1,5			
Студенты							-0,357	0,267	-2,1			
Тип потерпевшего (реферативная группа — государство)												
Бизнес							0,720	0,259	2,8**			
Тяжесть преступления (реферативная группа — средняя)												
Тяжкие	0,854	0,054	6,6**									
Особо тяжкие	2,253	0,151	24,7**									
Части статей УК												
Регионы		да			да			да			да	
Наблюдения	55409		104569		3649		19054		21734			
Псевдо-R2	0,225		0,362		0,286		0,262		0,376			

Примечания

* $r < 0,05$; ** $r < 0,01$. Стандартные социальные и криминологические контроли, год окончания следствия включены.

Сокращения

В. — бизнес;

Г. — государство;

Коэф. — регрессионные коэффициенты;

Ст. ош. — стандартные ошибки, класстеризованные на уровне органов, расследовавших дело;

dy / dx — усреднённые предельные эффекты, %.

Литература

- Барсукова С. Ю. 2009. Борьба с контрафактом: Проблемы сотрудничества бизнеса и власти. *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 7 (4): 120–129.
- Бочаров Т. 2016. Как собирать долги. *Ведомости*. 21 декабря. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/22/670682-kak-sobirat>
- Волков В. В. 2012. *Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ*. СПб.: Издательство ЕУСПб.
- Волков В. В. 2014. Влияние социального статуса подсудимого на решение суда. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 17 (4): 62–85.
- Волков В. В. et al. 2010. *Активность правоохранительных органов РФ по выявлению преступлений в сфере экономической деятельности, 2000–2011 гг.* СПб.: ИПП ЕУ СПб.
- Волков В. В. et al. 2014. *Уголовная юстиция в 2009 г.: комплексный анализ судебной статистики*. СПб.: ИПП ЕУ СПб.
- Волков В. В., Скугаревский Д. А., Титаев К. Д. 2016. Проблемы и перспективы исследований на основе Big Data (на примере социологии права). *Социологические исследования*. 1: 48–58.
- Гладырев Б. С. 2009. Мутации дяди Степы. Социологический очерк. *Нева*. 1. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2009/1/g115-pr.html>
- Кравцова М. В. 2012. Коррупция в полиции: трансформация отношений с бизнесом. *Экономическая социология*. 13 (2): 82–98. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2012/06/29/1255784750/ecsoc_t13_n2.pdf#page=82
- Кузнецов Д. 2015. Концепция «поведения закона» Дональда Блэка: рождение чистой социологии из духа криминальной статистики. *Социология власти*. 27 (2): 16–47.
- Кузнецов Г. 2017. Меньше проверок и заключений под стражу. Президент РФ поручил снизить административную нагрузку на предпринимателей. *Новая адвокатская газета*. 21 августа. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/menshe-proverok-i-zaklyucheniy-pod-strazhu/>
- Малаховский А. 2016. «Бежать или оставаться»: юристы обсудили риски бизнеса в России. *Право.ru*. 14 декабря. URL: <https://pravo.ru/story/view/136473/>
- Панеях Э. Л. 2008. *Правила игры для русского предпринимателя*. М.: Колибри.
- Панеях Э. Л. 2013. Зарегулированное государство. *Pro et Contra*. Январь — апрель: 79–92. URL: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_58_79-92.pdf.
- Панеях Э. Л. et al. 2012. *Диагностика работы правоохранительных органов по охране общественного порядка и перспективы создания муниципальной милиции в России*. СПб.: ИПП ЕУ СПб.
- Титаев К. Д. 2014. Предварительное заключение в российской уголовной юстиции: социологический анализ вероятности предварительного заключения и его влияния на решение суда. *Экономиче-*

ская социология. 15 (3): 88–118. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2014/05/30/1325397359/ecsoc_t15_n3.pdf#page=88

Титаев К. Д., Дмитриева А. В., Четверикова И. В. 2014. Государство и бизнес в арбитражном процессе. *Вопросы экономики*. 6: 40–62.

Трошев А. 2012. Как судьи арестовывают и оправдывают: советское наследие в уголовном судопроизводстве. В сб.: Волков В. В. (отв. ред.) *Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права*. М.: Статут; 18–56.

Четверикова И. В. 2014. Роль семьи, профессиональной карьеры и пола подсудимых при вынесении приговоров российскими судьями. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 17 (4): 101–123.

Четверикова И. В. 2016а. Либеральные реформы уголовного законодательства в сфере экономической деятельности 2009–2012 гг. и судебная практика. *Вопросы экономики*. 6: 91–115.

Четверикова И. В. 2016б. *Уроки либерализации: отправление правосудия по уголовным делам в экономической сфере в 2009–2013 гг.* URL: http://enforce.spb.ru/images/liberalization_e_version.pdf

Четверикова И. В., Титаев К. Д. 2017. *Структура и основные черты экономических преступлений в России (на основе данных 2013–2016 годов)*. URL: http://enforce.spb.ru/images/Structure_and_the_main_features_of_economical_crimes_in_Russia.pdf

Ходжаева Е. 2010. Под недремлющим оком. Трудовые мигранты и милиция в Казани. *Неприкосновенный запас*. 3 (71). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/3/ho18-pr.html>

Хутов Т. 2017. Как защитить предпринимателя от силовиков: итальянский опыт и роль прокуратуры. *Forbes*. 19 апреля. URL: <http://www.forbes.ru/biznes/342815-kak-zashchitit-predprinimatelya-ot-silovikov-italyanskiy-opyt-i-rol-prokuratury>

Шклярчук М. et al. 2015. *Криминальная статистика: механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования*. СПб.; М.: Норма; Центр независимых социальных исследований и образования. URL: http://enforce.spb.ru/images/Staff/Crimestat_report_2015_IRL_KGI_web.pdf

Avakame E. F., Fyfe J. J., McCoy C. 1999. «Did You Call the Police? What Did They Do?» An Empirical Assessment of Black's Theory of Mobilization of Law. *Justice Quarterly*. 16 (4): 765–792.

Barsukova S., Radaev V. 2012. Informal Economy in Russia: A Brief Overview. *Economic Sociology. The European Electronic Newsletter*. 13 (2): 99–111.

Berg M., Rogers E. 2017. The Mobilization of Criminal Law. *Annual Review Law and Social Science*. 13: 451–471.

Black D. 1973. The Mobilization of Law. *The Journal of Legal Studies*. 2 (1): 125–149.

Black D. 1976. *The Behavior of Law*. New York: Academic Press.

Bond C. E. W., Jeffries S. 2014. Similar Punishment? Comparing Sentencing Outcomes in Domestic and Non-Domestic Violence Cases. *British Journal of Criminology*. 54 (5): 849–872.

- Chatsverykova I. 2016. Severity and Leniency in Criminal Sentencing in Russia: the Effects of Gender and Family Ties. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. 4036 (September): 1–25.
- Chiricos T. G., Bales W. D. 1991. Unemployment and Punishment: An Empirical Assessment. *Criminology*. 29 (4): 701–724.
- Copes H. et al. 2001. Reporting behavior of fraud victims and Black's theory of law: An empirical assessment. *Justice Quarterly*. 18 (2): 343–363.
- Demuth S., Steffensmeier D. 2004. The Impact of Gender and Race-Ethnicity in the Pretrial Release Process. *Social Problems*. 51 (2): 222–242.
- Dubova A., Kosals L. 2013. Russian Police Involvement in the Shadow Economy. *Russian Politics Law*. 51 (4): 48–58.
- Feld B. C. 1991. Justice by Geography: Urban, Suburban, and Rural Variations in Juvenile Justice Administration. *The Journal of Criminal Law and Criminology*. 82 (1): 156–210.
- Felson R. B. et al. 2002. Reasons for Reporting and Not Reporting Domestic Violence to the Police. *Criminology*. 40 (3): 617–648.
- Freiburger T. L., Hilinski C. M. 2010. The Impact of Race, Gender, and Age on the Pretrial Decision. *Criminal Justice Review*. 35 (3): 318–334.
- Gans-Morse J. 2011. *The End of a Violent Era: The Role of Force in Russian Business Conflicts*. URL: <http://faculty.wcas.northwestern.edu/~jlg562/documents/Gans-Morse-EndofViolentEra.pdf>
- Gans-Morse J. 2012. Threats to Property Rights in Russia: From Private Coercion to State Aggression. *Post-Soviet Affairs*. 28 (3): 263–295.
- Graham K. T., Borg M. J., Miller B. L. 2013. Mobilizing law in Latin America: An Evaluation of Black's Theory in Brazil. *Law and Social Inquiry*. 38 (2): 322–341.
- Hartley R. D., et al. 2011. Exploring Sex Disparity in Sentencing Outcomes: A Focus on Narcotics Offenders in South Korea. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 55 (2): 268–286.
- Hendley K. 2007. Are Russian Judges Still Soviet? *Post-Soviet Affairs*. 23 (3): 240–274.
- Hendley K. 2012. Too Much of a Good Thing? Assessing Access to Civil Justice in Russia. *Slavic Review*. 72 (4): 802–827.
- Hou W., Moore G. 2010. Player and Referee Roles Held Jointly: The Effect of State Ownership on China's Regulatory Enforcement Against Fraud. *Journal of Business Ethics*. 95: 317–335.
- Innes M. 2003. *Investigating Murder: Detective Work and The Response to Criminal Homicide*. New York: Oxford University Press.
- Jensen M., Meckling W. 1976. Theory of The Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure. *Journal of Financial Economics*. 3 (4): 305–360.

- Kazun A. 2015. Violent Corporate Raiding in Russia: Preconditions and Protective Factors. *Democratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 23 (4): 459–484.
- Kellough G., Wortley S. 2002. Remand for Plea: Bail Decisions and Plea Bargaining as Commensurate Decisions. *British Journal of Criminology*. 42 (1): 186–210.
- Kosals L., Dubova A. 2012. Commercialization of Police and Shadow Economy: The Russian Case. *Economic Sociology. The European Electronic Newsletter*. 13 (2): 21–28.
- Kuo S.-Y. et al. 2012. Crime Reporting Behavior and Black's Behavior of Law. *International Sociology*. 27 (1): 51–71.
- Lundman R. J. 1979. Organizational Norms and Police Discretion — An Observational Study of Police Work with Traffic Law Violators. *Criminology*. 17 (2): 159–171.
- McConville M., Sanders A., Leng R. 1991. *The Case for the Prosecution*. London: Routledge.
- Meggison W. L., Netter J. M. 1999. From State to Market: A Survey of Empirical Studies on Privatization. *Working Paper. Nota di Lavoro, Fondazione Eni Enrico Mattei*. 1. URL: <http://hdl.handle.net/10419/154955>
- Nazrullaeva E., Baranov A., Yakovlev A. 2013. *Criminal Persecution of Business in Russia's Regions: Private Interests vs. «Stick» System*. URL: https://extranet.sioe.org/uploads/isnie2013/nazrullaeva_baranov_yakovlev.pdf
- Osipian A. L. 2012. Predatory Raiding in Russia: Institutions and Property Rights after the Crisis. *Journal of Economic Issues*. 46 (2): 469–480.
- Paneyakh E. 2013. Faking Performance Together: Systems of Performance Evaluation in Russian Enforcement Agencies and Production of Bias and Privilege. *Post-Soviet Affairs*. 30 (2–3): 115–136.
- Roberts A. 2007. Predictors of Homicide. *Homicide Studies*. 11 (2): 82–93.
- Rochlitz M. 2013. Corporate Raiding and the Role of the State in Russia. *Post-Soviet Affairs*. 30 (2–3): 89–114.
- Sacks M., Ackerman A. R. 2012. Pretrial Detention and Guilty Pleas: If They Cannot Afford Bail They Must be Guilty. *Criminal Justice Studies*. 25 (3): 265–278.
- Sacks M., Ackerman A. R. 2014. Bail and Sentencing: Does Pretrial Detention Lead to Harsher Punishment? *Criminal Justice Policy Review*. 25 (1): 59–77.
- Schulenberg J. L. 2015. Moving Beyond Arrest and Reconceptualizing Police Discretion: An Investigation Into the Factors Affecting Conversation, Assistance, and Criminal Charges. *Police Quarterly*. 18 (3): 244–271.
- Spohn C. 2009. *How do Judges Decide? The Search for Fairness and Justice in Punishment*. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc.

- Spohn C., Holleran D. 2000. The Imprisonment Penalty Paid by Young, Unemployed Black and Hispanic Male Offenders. *Criminology*. 38 (1): 281–306.
- Steffensmeier D., Ulmer J. T., Kramer J. H. 1998. The Interaction of Race, Gender, and Age in Criminal Sentencing: The Punishment Cost of Being Young, Black, and Male. *Criminology*. 36 (4): 763–798.
- Titaev K. D. 2017. Pretrial Detention in Russian Criminal Courts: A Statistical Analysis. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. 41 (3): 145–161.
- Volkov V. 2014. Socioeconomic Status and Sentencing Disparities: Evidence from Russia's Criminal Courts. *IRL-Working Paper IRL-01/2014*. St. Petersburg: The Institute for the Rule of Law at EUSP.
- Volkov V. 2016. Legal and Extralegal Origins of Sentencing Disparities: Evidence from Russia's Criminal Courts. *Journal of Empirical Legal Studies*. 13 (4): 637–665.
- Weidner R. R., Frase R. S., Schultz J. S. 2005. The Impact of Contextual Factors on the Decision to Imprison in Large Urban Jurisdictions: A Multilevel Analysis. *Crime Delinquency*. 51 (3): 400–424.
- Wermink H. et al. 2017. The Influence of Detailed Offender Characteristics on Consecutive Criminal Processing Decisions in the Netherlands. *Crime and Delinquency*. 63 (10): 1279–1313.
- Wilson D. G. et al. 2008. The Economic Activities of Russian Police. *International Journal of Police Science Management*. 10 (1): 65–75. URL: <http://doi.org/10.1350/ijpsm.2008.10.1.64>
- Zatz M. 2000. The Convergence of Race, Ethnicity, Gender, and Class on Court Decision Making: Looking Toward the 21st Century. *Criminal Justice*. 3: 503–552. URL: <http://www.ncjrs.gov/App/abstractdb/AbstractDBDetails.aspx?id=185536>
- Zernova M. 2011. Coping with the Failure of the Police in Post-Soviet Russia: Findings from One Empirical Study. *Police Practice and Research*. 13 (6): 1–14.

NEW TEXTS

Iryna Chatsverykova

Mobilization of Criminal Law by Business and State: Socio-Economic Status of Defendants and Pretrial Detention in Economic Cases

CHATSVRYKOVA, Iryna — MA in Sociology, researcher at the Institute for the Rule of Law at the European University at St. Petersburg. Address: 6/1A Gagarinskaya Street, 191187 St. Petersburg, Russian Federation.

Email: ichetverikova@eu.spb.ru

Abstract

Commercialization of law enforcement agencies and the corrupt prosecution of business in Russia could intensify mobilization of criminal law against entrepreneurs, especially when it comes to business conflicts. Mobilization of law starts with calling the police and continues with the following stages of criminal investigation and prosecution. The legal mobilization can be considered successful when the defendant is detained before trial. Using police data on all defendants in Russia charged with economic and corruption crimes from 2013–2014, I examine how the socio-economic status of the defendant and the type of victim are related to pretrial detention decisions.

Results indicate that not only the offense but also the defendant's criminal history, gender, citizenship, and place of residence weigh heavily in investigatory and judicial decision-making on detention in economic and corruption cases. Controlling for major social and legal characteristics, the analysis suggests that entrepreneurs have a similar probability of being detained as governmental officials and that manual workers and have a lower probability than law enforcers and the unemployed. Office workers at commercial companies and state organizations are treated more leniently than entrepreneurs and have the lowest probability of detention. The probability of detention is higher in cases where the victims were citizens or commercial companies (including entrepreneurs), compared to those where defendants damaged the state.

Keywords: pretrial detention; socioeconomic bias; state and business in Russia; economic crime; mobilization of law; agency problem.

Acknowledgements

Financial support from the Russian Science Foundation grant 17-18-01618 is acknowledged.

The author is grateful to Alexey Knorre, Marii Shklyaruk, Dmitriy Skougarevskiy, Kirill Titaev, Vadim Volkov, and other participants at the Summer school of Institute for the Rule of Law (EUSP) 2016 for useful discussions and data preparation work. The author would also like to thank the participants at the seminar "Sociology of Markets" organized by the Laboratory for Studies in Economic sociology (HSE) and anonymous reviewers whose comments greatly improved the article.

References

Avakame E. F., Fyfe J. J., Mccoy C. (1999) "Did You Call the Police ? What Did They Do?" An Empirical Assessment of Black's Theory of Mobilization of Law. *Justice Quarterly*, vol. 16, no 4, pp. 765–792.

- Barsukova S. Yu. (2009) Bor'ba s kontrafaktom: Problemy sotrudnichestva biznesa i vlasti [Combating Counterfeit: Problems of Cooperation between Business and Government]. *Ekonomicheskii Vestnik Rostovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, vol. 7, no 4, pp. 120–129 (in Russian).
- Barsukova S., Radaev V. (2012) Informal Economy in Russia: A Brief Overview. *Economic Sociology*, vol. 13, no 2, pp. 99–111. Available at: <http://ecsoc.hse.ru/en/2012-13-2/55582454.html> (accessed 1 March 2018).
- Berg M., Rogers E. (2017) The Mobilization of Criminal Law. *Annual Review Law and Social Science*, vol. 13, pp. 451–471.
- Black D. (1973) The Mobilization of Law. *The Journal of Legal Studies*, vol. 2, no 1, pp. 125–149.
- Black D. (1976) *The Behavior of Law*, New York: Academic Press.
- Bocharov T. (2016) Kak sobirat' dolgi [How to Collect Debts]. *Vedomosti*. December, 21. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/22/670682-kak-sobirat> (accessed 1 November 2017) (in Russian).
- Bond C. E. W., Jeffries S. (2014) Similar Punishment? Comparing Sentencing Outcomes in Domestic and Non-Domestic Violence Cases. *British Journal of Criminology*, vol. 54, no 5, pp. 849–872.
- Chatsverykova I. V. (2014) Rol' sem'i, professional'noy kar'ery i pola podsudimyykh pri vynesanii prigovorov rossiyskimi sud'yami [Role of Family Ties, Professional Career, and Sex of Defendants in Decision-Making of Russian Judges]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsial'noy Antropologii*, vol. 17, no 4 (75), pp. 101–123 (in Russian).
- Chatsverykova I. V. (2016a) Liberal'nye reformy ugolovnogo zakonodatel'stva v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti 2009–2012 gg. i sudebnaya praktika [Liberal Reforms of 2009–2012 in Economic Criminal Law and Judicial Practice]. *Voprosy Ekonomiki*, no 6, pp. 91–115 (in Russian).
- Chatsverykova I. (2016b) Severity and Leniency in Criminal Sentencing in Russia: The Effects of Gender and Family Ties. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, vol. 4036, September, pp. 1–25.
- Chatsverykova I. V. (2016c) *Uroki liberalizatsii: otpravlenie pravosudiya po ugolovnym delam v ekonomicheskoy sfere v 2009–2013 gg.* [Lessons of Liberal Reforms: Criminal Justice in Economic Cases Prosecuted in 2009–2013]. Available at: http://enforce.spb.ru/images/liberalization_e_version.pdf (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Chatsverykova I. V., Titaev K. D. (2017) *Struktura i osnovnye cherty ekonomicheskikh prestupleniy v Rossii (na osnove dannykh 2013–2016 godov)* [Structure and Major Characteristics of Economic Crimes in Russia (based on statistics of 2013–2016)]. Available at: http://enforce.spb.ru/images/Structure_and_the_main_features_of_economical_crimes_in_Russia.pdf (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Chiricos T. G., Bales W. D. (1991) Unemployment and Punishment: an Empirical Assessment. *Criminology*, vol. 29, no 4, pp. 701–724.
- Copes H., Kerley K. R., Mason K. A., Van Wyk J. (2001) Reporting Behavior of Fraud Victims and Black's Theory of Law: An Empirical Assessment. *Justice Quarterly*, vol. 18, no 2, pp. 343–363.

- Demuth S., Steffensmeier D. (2004) The Impact of Gender and Race-Ethnicity in the Pretrial Release Process. *Social Problems*, vol. 51, no 2, pp. 222–242.
- Dubova A., Kosals L. (2013) Russian Police Involvement in the Shadow Economy. *Russian Politics Law*, vol. 51, no 4, pp. 48–58.
- Feld B. C. (1991) Justice by Geography: Urban, Suburban, and Rural Variations in Juvenile Justice Administration. *The Journal of Criminal Law and Criminology*, vol. 82, no 1, pp. 156–210.
- Felson R. B., Messner S. F., Hoskin A. W., Deane G. (2002) Reasons for Reporting and Not Reporting Domestic Violence to the Police. *Criminology*, vol. 40, no 3, pp. 617–648.
- Freiburger T. L., Hilinski C. M. (2010) The Impact of Race, Gender, and Age on the Pretrial Decision. *Criminal Justice Review*, vol. 35, no 3, pp. 318–334.
- Gans-Morse J. (2011) *The End of a Violent Era: The Role of Force in Russian Business Conflicts*. Available at: <http://faculty.wcas.northwestern.edu/~jlg562/documents/Gans-Morse-EndofViolentEra.pdf> (accessed 1 March 2018).
- Gans-Morse J. (2012) Threats to Property Rights in Russia: From Private Coercion to State Aggression. *Post-Soviet Affairs*, vol. 28, no 3, pp. 263–295.
- Gladyshev B. S. (2009) Mutatsii dyadi Stepy. Sotsiologicheskii ocherk [Mutations of the Uncle Stepa. Sociological Essay]. *Neva*, no 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/neva/2009/1/gl15-pr.html> (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Graham K. T., Borg M. J., Miller B. L. (2013) Mobilizing Law in Latin America: An Evaluation of Black's Theory in Brazil. *Law and Social Inquiry*, vol. 38, no. 2, pp. 322–341.
- Hartley R. D., Kwak D.-H., Park M., Lee M.-S. (2011) Exploring Sex Disparity in Sentencing Outcomes: A Focus on Narcotics Offenders in South Korea. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, vol. 55, no 2, pp. 268–86.
- Hendley K. (2007) Are Russian Judges Still Soviet? *Post-Soviet Affairs*, vol. 23, no 3, pp. 240–274.
- Hendley K. (2012) Too Much of a Good Thing? Assessing Access to Civil Justice in Russia. *Slavic Review*, vol. 72, no 4, pp. 802–827.
- Hou W., Moore G. (2010) Player and Referee Roles Held Jointly: The Effect of State Ownership on China's Regulatory Enforcement Against Fraud. *Journal of Business Ethics*, vol. 95, pp. 317–335.
- Houtov T. (2017) Kak zaschitit predprinimatel'ya na silovikov: italyanskiy opyt i rol' prokuratury [How to Defend Entrepreneurs from Law Enforcers: Italian Approach and the Role of Prosecutor's Office]. *Forbes*. April, 19. Available at: <http://www.forbes.ru/biznes/342815-kak-zashchitit-predprinimatel'ya-ot-silovikov-italyanskiy-opyt-i-rol-prokuratury> (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Innes M. (2003) *Investigating Murder: Detective Work and The Response to Criminal Homicide*, New York: Oxford University Press.

- Jensen M., Meckling W. (1976) Theory of The Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure. *Journal of Financial Economics*, vol. 3, no 4, pp. 305–360.
- Kazun A. (2015) Violent Corporate Raiding in Russia: Preconditions and Protective Factors. *Democratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 23, no 4, pp. 459–484.
- Kellough G., Wortley S. (2002) Remand for Plea: Bail Decisions and Plea Bargaining as Commensurate Decisions. *British Journal of Criminology*, vol. 42, no 1, pp. 186–210.
- Khodzhaeva E. (2010) Pod nedremlyuschim okom. Trudovie migrant i militia v Kazani [Under Watching Eyes. Working Migrants and Militia in Kazan]. *Neprikosnovenniy zapas (NZ) = Debates on Politics and Culture*, no 71 (3/2010). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/3/ho18-pr.html> (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Kravtsova M. V. (2012) Korruptsiya v politzii: transformatsiya otnosheniy s biznesom [Corruption in Police: Changes in Police-Entrepreneur Relations]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 13, no 2, pp. 82–98. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2012/06/29/1255784750/ecsoc_t13_n2.pdf#page=82 (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Kosals L., Dubova A. (2012) Commercialization of Police and Shadow Economy: The Russian Case. *Economic Sociology. The European Electronic Newsletter*, vol. 13, no 2, pp. 21–28.
- Kuo S.-Y., Cuvelier S. J., Sheu C.-J., Chang K.-M. (2012) Crime Reporting Behavior and Black's Behavior of Law. *International Sociology*, vol. 27, no 1, pp. 51–71.
- Kuznetsov D. 2015. Konceptsiya "povedeniya zakona" Donalda Bleka: rozhdenie chistoy sotsiologii iz dukha kriminalnoy statistiki [Donald Black's Concept of 'Behavior of Law': Birth of Pure Sociology from the Spirit of Crime Rates]. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power*, vol. 27, no 2, pp. 16–47.
- Kuznetsov G. (2017) Menshe proverok i zaklyucheniyy pod strazhu. President RF poruchil snizit' administrativnuyu nagruzku na predprinimateley [Less Inspections and Pretrial Detentions. The President of Russia Authorized to Decrease Regulatory Pressure on Entrepreneurs]. *Novaya advokatskaya gazeta*. August, 21. Available at: <https://www.advgazeta.ru/novosti/menshe-proverok-i-zaklyucheniyy-pod-strazhu/> (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Lundman R. J. (1979) Organizational Norms and Police Discretion — An Observational Study of Police Work with Traffic Law Violators. *Criminology*, vol. 17, no 2, pp. 159–171.
- Malakhovskiy A. (2016) "Bezhat' ili ostavat'sya", yuristy obsudili riski biznesa v Rossii ["Run or Stay", Lawyers Have Discussed the Risks of Doing Business in Russia]. *Pravo.ru*. December, 14. Available at: <https://pravo.ru/story/view/136473/> (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- McConville M., Sanders A., Leng R. (1991) *The Case for the Prosecution*, London: Routledge.
- Meggison W. L., Netter J. M. (1999) From State to Market: A Survey of Empirical Studies on Privatization. *Working Paper*. Nota di Lavoro, Fondazione Eni Enrico Mattei, 1. Available at: <http://hdl.handle.net/10419/154955> (accessed 1 March 2018).

- Nazrullaeva E., Baranov A., Yakovlev A. (2013) Criminal Persecution of Business in Russia's Regions: Private Interests vs. "Stick" System. *Conference Paper*. Available at: https://extranet.sioe.org/uploads/isnie2013/nazrullaeva_baranov_yakovlev.pdf (accessed 1 March 2018).
- Osipian A. L. (2012) Predatory Raiding in Russia: Institutions and Property Rights after the Crisis. *Journal of Economic Issues*, vol. 46, no 2, pp. 469–480.
- Paneyakh E. L. (2008) *Pravila igry dlya russkogo predprinimatelya* [Game Rules for Russian Entrepreneurs], Moscow: Kolibri (in Russian).
- Paneyakh E. (2013a) Faking Performance Together: Systems of Performance Evaluation in Russian Enforcement Agencies and Production of Bias and Privilege. *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no 2–3, pp. 115–136.
- Paneyakh E. L. (2013b) Zaregulirovannoe gosudarstvo [Overregulated State]. *Pro et Contra*, January — April, pp. 79–92. Available at: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_58_79-92.pdf (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Paneyakh E. L., Pozdnyakov M. L., Titaev K. D., Chatsverykova I. V., Shklyaruk M. (2012) *Diagnostika raboty pravookhranitel'nykh organov po okhrane obshchestvennogo poryadka i perspektivy sozdaniya munitsipal'noy militsii v Rossii* [Diagnostic of Law-Enforcement Performance in Public Order and Perspectives for Municipal Milicij in Russia], St. Petersburg: IRL EUSP (in Russian).
- Roberts A. (2007) Predictors of Homicide. *Homicide Studies*, vol. 11, no 2, pp. 82–93.
- Rochlitz M. (2013) Corporate Raiding and the Role of the State in Russia. *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no 2–3, pp. 89–114.
- Sacks M., Ackerman A. R. (2012) Pretrial Detention and Guilty Pleas: If They Cannot Afford Bail They Must be Guilty. *Criminal Justice Studies*, vol. 25, no 3, pp. 265–278.
- Sacks M., Ackerman A. R. (2014) Bail and Sentencing: Does Pretrial Detention Lead to Harsher Punishment? *Criminal Justice Policy Review*, vol. 25, no 1, pp. 59–77. <https://doi.org/10.1177/0887403412461501>
- Shklyaruk M., Skougarevskiy D., Dzmityrieva A., Skifskiy I., Begtin I. 2015. *Kriminalnaya statistika: mehanizmy formirovaniya, prichiny iskazheniya, puti reformirovaniya* [Crime Data: Collection, Sources of Misrepresentation, Directions for Improvement], St. Petersburg; Moscow: Norma, Centre for Independent Social Research. Available at: http://enforce.spb.ru/images/Staff/Crimestat_report_2015_IRL_KGI_web.pdf (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Schulenberg J. L. (2015) Moving Beyond Arrest and Reconceptualizing Police Discretion: An Investigation Into the Factors Affecting Conversation, Assistance, and Criminal Charges. *Police Quarterly*, vol. 18, no 3, pp. 244–271.
- Spohn C. (2009) *How do Judges Decide? The Search for Fairness and Justice in Punishment*. 2nd ed., Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc.
- Spohn C., Holleran D. (2000) The Imprisonment Penalty Paid by Young, Unemployed Black and Hispanic Male Offenders. *Criminology*, vol. 38, no 1, pp. 281–306.

- Steffensmeier D., Ulmer J. T., Kramer J. H. (1998) The Interaction of Race, Gender, and Age in Criminal Sentencing: The Punishment Cost of Being Young, Black, and Male. *Criminology*, vol. 36, no 4, pp. 763–798.
- Titaev K. D. (2014) Predvaritel'noe zaklyuchenie v rossiyskoy ugolovnoy yustitsii: sotsiologicheskii analiz veroyatnosti predvaritel'nogo zaklyucheniya i ego vliyaniya na reshenie suda [Pretrial Detention in Russian Criminal Justice: Sociological Analysis of the Probability of Pretrial Detention and its Influence on Court Decisions]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 15, no 3, pp. 88–118. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2014/05/30/1325397359/ecsoc_t15_n3.pdf#page=88 (accessed 1 March 2018) (in Russian).
- Titaev K. D. (2017) Pretrial Detention in Russian Criminal Courts: A Statistical Analysis. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, vol. 41, no 3, pp. 145–161.
- Titaev K. D., Dmitrieva A. V., Chatsverykova I. V. (2014) Gosudarstvo i biznes v arbitrazhnom protsesse [State and Business in Arbitrazh Courts]. *Voprosy Ekonomiki*, no 6, pp. 40–62 (in Russian).
- Troshev A. (2012) Kak sudyi arestovyvayut i opravdyvayut: sovetskoe nasledie v ugolovnom sudoproizvodstve [How Do Judges Detain and Acquit: Soviet Legacy in Criminal Justice]. *Kak sudyi prinimayut resheniya: empiricheskie issledovaniya prava* [How Do Judges Decide: Empirical Studies of Law] (ed. V. Volkov), Moscow: Statut, pp. 18–56 (in Russian).
- Volkov V. V. (2012) *Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Violent Entrepreneurship, XXI century: Economic and Sociological Analysis]. 3rd ed.. St. Petersburg: EUSP Press (in Russian).
- Volkov V. (2014a) Socioeconomic Status and Sentencing Disparities: Evidence from Russia's Criminal Courts.. *IRL-Working Paper IRL-01/2014*, St. Petersburg: The Institute for the Rule of Law at EUSP.
- Volkov V. V. (2014b) Vliyanie sotsial'nogo statusa podsudimogo na reshenie suda [Impact of Defendan's Social Status on Judicial Decision-making]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsial'noy Antropologii*, vol. 17, no 4 (75), pp. 62–85 (in Russian).
- Volkov V. (2016) Legal and Extralegal Origins of Sentencing Disparities: Evidence from Russia's Criminal Courts. *Journal of Empirical Legal Studies*, vol. 13, no 4, pp. 637–665.
- Volkov V. V., Dzmitryieva A. V., Paneyakh E. L., Pozdnyakov M. L., Titaev K. D. (2010) *Aktivnost' pravookhranitel'nykh organov RF po vyyavleniyu prestupleniy v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti* [Law Enforcement Activity in Detection of Economic Crimes in Russia], St. Petersburg: IRL EUSP (in Russian).
- Volkov V. V., Dzmitryieva A. V., Skougarevskiy D., Chatsverykova I. V., Shesternina Yu. (2014) *Ugolovnaya yustitsiya v 2009 g.: kompleksnyy analiz sudebnoy statistiki* [Criminal Justice in 2009: Complex Analysis of Court Statistics], St. Petersburg: IRL EUSP (in Russian).
- Volkov V. V., Skougarevskiy D. A., Titaev K. D. (2016). Problemi i perspective issledovaniy na osnove Big Data (na primere sotsiologii prava) [Problems and Perspectives of Big Data (an Example of Sociology of Law) Research]. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, no 1, pp. 48–58 (in Russian).

- Weidner R. R., Frase R. S., Schultz J. S. (2005) The Impact of Contextual Factors on the Decision to Imprison in Large Urban Jurisdictions: A Multilevel Analysis. *Crime Delinquency*, vol. 51, no 3, pp. 400–424.
- Wermink H., Johnson B. D., Keijser J. W., Dirkzwager A. J. E., Reef J., Nieuwbeerta P. (2017) The Influence of Detailed Offender Characteristics on Consecutive Criminal Processing Decisions in the Netherlands. *Crime and Delinquency*, vol. 63, no 10, pp. 1279–1313.
- Wilson D. G., Kolennikova O., Kosals L., Ryvkina R., Simagin Y. (2008) The Economic Activities of Russian Police. *International Journal of Police Science Management*, vol. 10, no 1, pp. 65–75.
- Zatz M. (2000) The Convergence of Race, Ethnicity, Gender, and Class on Court Decision Making: Looking Toward the 21st Century. *Criminal Justice*, vol. 3, pp. 503–552.
- Zernova M. (2011) Coping with the Failure of the Police in Post-Soviet Russia: Findings from One Empirical Study. *Police Practice and Research*, vol. 13, no 6, pp. 1–14.

Received: November 11, 2017

Citation: Chatsverykova I. (2018) Mobilizatsiya ugolovnogo zakona biznesom i gosudarstvom: sotsial'no-ekonomicheskii status obvinyaemykh i predvaritel'noe zaklyuchenie po ekonomicheskim delam [Mobilization of Criminal Law by Business and State: Socio-Economic Status of Defendants and Pretrial Detention in Economic Cases], *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 2, pp. 12–49. doi: [10.17323/1726-3247-2018-2-12-49](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-2-12-49)